

МАРГАРИТА КЛОЧКОВА

МЫСЛИ Машины, или как не загнать себя в угол

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Маргарита Ключкова

Мысли мамы, или Как не загнать себя в угол

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68447359

SelfPub; 2024

ISBN 978-5-532-91899-3

Аннотация

"Мысли мамы, или Как не загнать себя в угол" – это женский роман о героине Елене, представленный в формате дневника. С самого начала романа мы видим, как Елена становится мамой и переживает радости и трудности материнства. На протяжении повествования она рассказывает о рождении троих детей и о том, как ее мудрость и жизненный опыт помогают ей преодолевать все трудности, с которыми она сталкивается. В романе происходят множественные жизненные события: героиня теряет близких, сталкивается с вызовами материнства и работой, но не теряет надежды и оптимизма. Через дневниковые записи Елена делится своими мыслями, переживаниями и радостями, показывая читателям, как важно сохранять веру в себя и не утрачивать свою силу в сложные моменты жизни. Роман "Мысли мамы, или Как не загнать себя в угол" – это искренняя и трогательная история о материнстве, семье и жизненной мудрости. Это история о том, как женщина может справиться со

всеми трудностями, если у нее есть любящая семья и сильный характер.

Содержание

ГЛАВА 1. ОЧЕНЬ ОПЫТНАЯ МАТЬ	12
ГЛАВА 2. «ОПЫТ» ПРОДОЛЖАЕТ ИСПАРЯТЬСЯ	153
Конец ознакомительного фрагмента.	181

Маргарита Клочкова

Мысли мамы, или Как не загнать себя в угол

РЕЦЕНЗИЯ

Ну и чем вас может удивить эта книга, если вы – многодетная или многоопытная мама? То есть прошли огонь, воду и очередь в поликлинике?

Удивит узнаванием себя в героине. Вы можете не разделять мнение автора и героини книги, иметь иные взгляды на воспитание, но вы обязательно почувствуете родную душу. Хотя бы в чем-то мизерном, и ощущение «ой, я тоже так делала» произойдёт. Потому что каждая мама уставала, плакала от умиления или однажды устраивала вместе с ребёнком незапланированный праздник непослушания. Всем приходилось спорить на детской площадке или сомневаться в своей привлекательности после родов. Потому что каждая женщина хотя бы раз задавалась вопросом: «А хорошая ли я мать?»

И если вы «молодая мамочка в декрете» или только собираетесь ей стать, книгу вообще положите на прикроватную

тумбочку и периодически возвращайтесь к прочитанному.

Потому что далеко не все женщины готовы так честно говорить о материнстве и при этом не бить себя пяткой в грудь. Мало кто признается, что пришлось отказаться от розовой мечты – стать идеальной мамой. Героиня истории сначала старается стать супермамой: советуется с подругами, психологами, отмахивается от родительских рекомендаций. И не сразу к ней придет понимание: не нужно стремиться стать идеальной, лучше быть счастливой. И наблюдать за этой внутренней трансформацией очень интересно.

Маргарита Ключкова пишет честно о том, с чем сталкивается каждая: усталость, бессонница, срывы, бессмысленные споры с мужем. Согласитесь, такое обычно в книжках про детей не рассказывают? Ощущение честного рассказа достигается, в том числе, благодаря дневниковой форме изложения. Ты словно читаешь письма опытной подруги, которая не пытается строить из себя всезнайку, а рассказывает, как оно было.

А еще книга подкупает своим жизнелюбием и фирменным чувством юмора Маргариты Ключковой. Доза эндорфинов после прочтения обеспечена.

Лично мне, после завершения книги, захотелось пере-

смотреть семейные архивы и увидеть своих детей совсем крохами. Пожалуй, этим я сейчас и займусь.

Ольга Маловица, редактор, блогер

ПРЕДИСЛОВИЕ

Привет!

Я рада, что ты взяла в руки мою книгу.

Ничего, что я на «ты»?! А как иначе, ведь ты сейчас попадёшь в другой мир #НоЭтоНеточно. Неточно, потому что, возможно, это будет твой собственный мир, внутренний мир, читая мысли Елены, личный дневник обычной мамы, такой же, как ты.

А если ты ещё не знаешь, что такое «быть мамой», то точно окажешься в Другом Мире. Мире настоящего Материнства, где от состояния невероятного счастья до состояния отчаяния со слезами на щеках – порой считанные секунды, где, несмотря на все трудности, ты уверена, что дети – это круто, но когда они по уши грязные после прогулки, то это ещё и «как это #матьЕго отстирать!»

А если твои дети уже выросли и ростом выше тебя, то ты окажешься в Прошлом – своём «Прошлом» внутреннем мире, когда они были ещё маленькими.

Взгляни ещё раз на обложку книги?

Ты нашла там лицо у мамы? Нет?

Тогда все верно, теперь подойди к зеркалу. Вот оно. Лицо мамы, тебя и меня, и неважно один у тебя ребёнок или два, три или пять....

Елена – это я, ты, твоя подруга, все... Мне кажется, каждая женщина-мама испытывала хотя бы раз какие-то из тех эмоций, что испытывает главная героиня, поэтому её детей по случайности (а как иначе?) зовут, как моих, ведь порой и я «была этой самой Леной», отсюда имена моих детей как символ (не более).

– Скажи, а бывало же, в твоей жизни так, что, только родив, слышала от всех опытных советы?

– Нет? Ну, хоть малюсенький совет давал кто-то? Тоже нет?

– Ну а бывало, что катастрофически хотела спать или хотела сходить в туалет одна, но шумно врывались дети?

– Уф, было!

Тогда поздравляю, ты – тоже Лена, приятно познакомиться.

Ты – Лена, которая в книге проходит путь Женщины, которая учится любить себя и не растворяться в детях. Она любит жизнь, вернее, учится принимать её такой, какой она может быть.

В книге ты встретишь порой схожие рассказы Лены, когда у неё был один ребёнок, а потом – два. Не пугайся?! У меня нет проблем с памятью, просто оцени, как мамЛена по-разному отнеслась к ним, исходя из своего мамского опыта.

А ещё у мамЛены идеальный #НоЭтоНеточно муж, оберегающий её почти от всех финансовых забот, любящий ее и детей. Думаешь, что тоже символ? Верно, вот видишь, ты уже начала погружаться во внутренний мир Мамы.

Да что я все заладила про «мама-мама». Лена даже секс #вотТеКрест смаковать начинает иначе в зависимости от количества детей, поэтому кто сказал, что это книга про маму?

Я сказала?

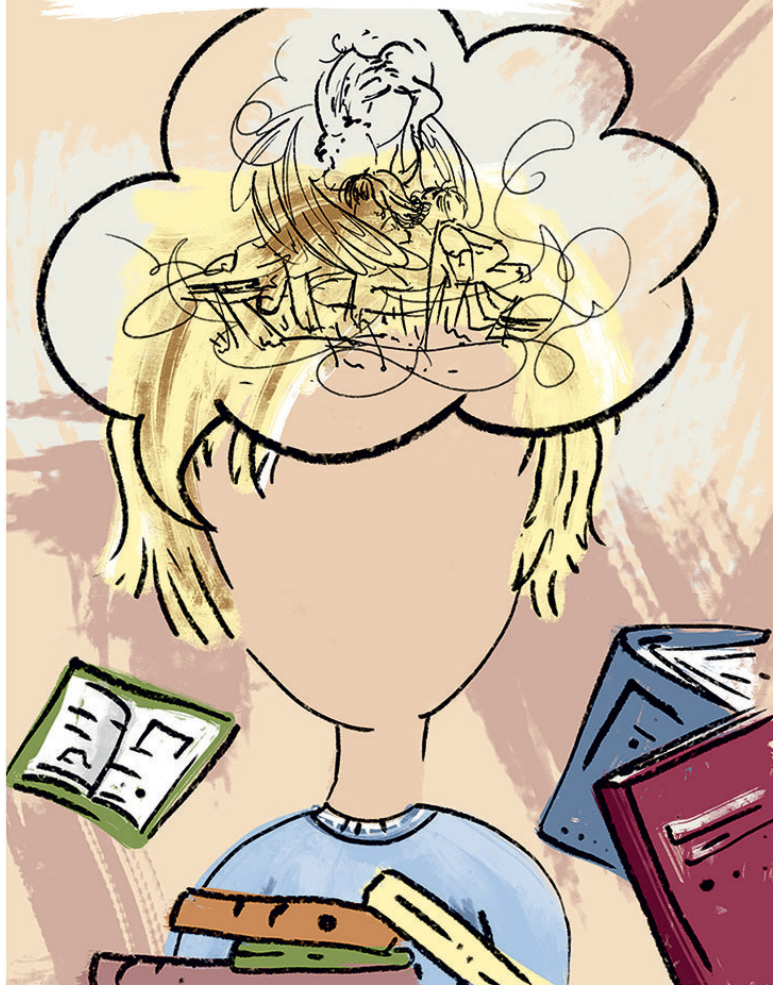
Забудь!

Это книга про Женщину, нет, даже не так, это книга о том, как Женщина видит Мир: эмоционально, порой нелогично и субъективно, но видит именно так.

Ну, готова к чтению?

Тогда переверни страницу!

ГЛАВА 1. ОЧЕНЬ ОПЫТНАЯ МАТЬ

ГЛАВА 1. ОЧЕНЬ ОПЫТНАЯ МАТЬ

20.08.2013

– А это что такое? Откуда? Он же только родился? Да не может быть? Фуу, дерьмо что ли...вернее, меконий, если поумному, – я будто отказывалась верить в происходящее. – Вот, Лен, и закончились розовые сопли, едва начавшись.

Наверное, именно это и имеют в виду, говоря: «После рождения ребенка жизнь женщины кардинально меняется».

Конечно, меняется, надо ж мыть детей. По доброй воле, и с улыбкой. А если я вот боюсь мыть, допустим: надавлю сильно, когда буду тереть, и чего-то не то отвалится, а с какой силой вообще тереть, чтоб отмыть? Оно же, судя по виду, присохло. Так-так, думай, Лен, думай! Надо срочно вспоминать, что писали про подмывание в книге...девочек с попки вперед, а мальчиков, выходит, по усмотрению. Так, надо выдохнуть, выпью водички, и решу.

– И где тут наша водичка? – неожиданно для себя произнесла я вслух, обращаясь то ли к себе, то ли к сыну, который смотрел сквозь меня, но, если верить врачам и опять же книгам, уже знал, что я ему не чужой человек.

– Все-таки «Мыть» или дождаться кого-то? – крутилось в моей голове, пока я, набрав воду в рот, булькала ею, не

глотая. – Хотя кого ждать? Нет никого, тут только сын и я.

Я выпила воду, крепче затянула халат, чтоб не замарать, потом решила снять его, оставшись в пижаме.

Подошла с сыном к раковине, выдохнула, взглянула в зеркало, сказала, настраивая себя на лучшее: «Ну ладно: была, не была. Погнали! В добрый путь, Лен!»

21.08.2013

Сегодня Дима пришел, пустили к нам: лица на нем нет, точнее вместо лица огромные глаза, наполненные нечеловеческим счастьем, и Улыбка, но не во весь рот или до ушей. Я б назвала ее «опоясывающая улыбка», это как лишай опоясывающий, но только Улыбка, и, вроде, она у человека на лице, но через нее ты видишь, как счастьем наполняется все изнутри, и даже мир вокруг начинает по-доброму подмигивать.

Димка хотел мне цветы пронести и пиццу, но не разрешили, хотя я случайно оказалась в палате одна.

Прижалась к мужу, рассказываю, что в материнстве всё не так, как я думала: что вообще легче получается Всё.

– Вот, к примеру, те же роды: понапугали меня с ними, ох, как напугали, Дим, – тараторила я, передразнивая рассказы знакомых мамаш: «Ой, потом не разогнешься!» А я через три часа, прикинь, через три на корточках вещи в палате разбирала и спала сладко и крепко, как конь после скачек. И ничего не болит.

Дима, молча обнимал меня, не отводил глаз от сына, а я продолжала:

– Вывод, естественно, напрашивается один – насчет родов любят приукрасить, дескать, так всё болит. А зачем врут? Тут я не разобралась, может, чтоб себя превозвысить, типа «я Ж рожала», и вот теперь героиня, а может, ...

– А может, Лисенок, просто у всех по-разному, – подмигнул мне новоиспечённый папа, наклоняясь к сыну, будто пытается рассмотреть каждую его клеточку.

Я немного сконфузилась, потому что планировала заявить, что такими баснями, возможно, хотят у мужей чувство жалости вызвать, и даже приготовила шуточное описание родов: ноги – пошире, за спину держись, походка «утка учится ходить», но муж явно был не готов к моему юмору.

– Дим, просто я не хочу тебе врать про роды. Роды, они не так страшны, как их малюют.

Говорю всё это Диме, говорю, а он взял сына на руки, сел рядом, целует в макушку то его, то меня, и кажется, вообще не слышит ничего. Как замороженный прям, глаз не отводит от нас, а потом произносит чуть слышно:

– Всегда знал, что ты королева, но ещё никогда такой особенно красивой ты не была.

Но вот тут явно лукавит (понаслушался про послеродовые депрессии), и пытается меня утешить, а я опускаю взгляд на надетую на меня больничную сорочку в василёк, а она размером с БТР, разрез у нее до пупа, я резко встаю:

– Дим, ты можешь сказать мне правду, я вижу, что вся помятая, не ври! – и тут сорочка из-за большого выреза сваливается к моим ногам, и я остаюсь стоять посреди палаты перед мужем только в послеродовых трусах в сетку, натянутых почти до груди.

– Лисенок, и трусы тебе эти тоже к лицу, почти как сексуальные колготки в сетку, но трусы, – Дима смеётся, и я иду к нему обниматься, раз уж он настаивает, что я сейчас красивая. Хи-хи.

23.08.2013

Я отложила вбок книгу о раннем развитии и смотрю на сына, пытаюсь понять, что именно я к нему чувствую.

Не могу назвать это любовью, хотя мечтала о ребёнке, но это, наверное, пока не любовь. Это какой-то страх, переплетённый с ощущением ответственности, которое я отныне несу за Целого человека, страх, переплетённый с радостью от того, что я смогла создать этого самого Человека, страх, переплетённый с пониманием, что я справлюсь.

– А, может, тогда это и есть любовь к ребёнку, а, Лен? Я ж до этого любила мужа, родителей, сестёр, и любовь эта была тоже разная.

Я не знала ответа, что невероятно раздражало внутри каждую клеточку моего сознания, привыкшего оставлять всё без вопросов и жить четко по правилам. Мои мысли прервал голос санитарки, разносившей ужин:

– Гречка с минтаем и поджарка из моркови с томатной пастой.

Я взглянула на тарелку, в которую она свалила всё вместе, казалось, что до меня это уже кто-то поел:

– Спасибо, мне не надо. У меня своё.

– Бери и ешь, – буркнула она, ставя со злостью тарелку на стол, а, закрывая дверь, доносились из коридора ее громкие сетования:

– Ещё одна умная мамашка со своими правилами, а растут в итоге кого? Тьфу! Смотреть больно.

25.08.2013

– Смотри, сынок! Фейерверки как цветы неба! Они вспыхивают бутонами пионов, георгинов и астр только для тебя, а ты спишь у меня на руках, и не знаешь об этом. Я заглядываю в лицо, сына, пытаюсь понять, на кого он похож, и продолжаю шептать:

– Ты даже не догадываешься, сколько открытий тебя ждет и сколько потерь.

Паша резко вскидывает ручку вверх, будто был не согласен с тем, что я ему говорю.

– Да-да, сынок, не спорь, без потерь не бывает порой ничего, – я перевожу взгляд на новый раскрывшийся в форме звёзд залп. – Вот, Пашунь, зачем, ты думаешь, нужны боли на схватках?

Сын молчит, он еще не умеет говорить, но я планирую об-

щаться с ним на равных, как со взрослым, поэтому продолжаю рассуждать. Возможно, продолжаю, потому что хочется высказаться, а рядом только сын.

– Так вот боль сильная нужна, чтоб потом, когда тебя положили ко мне на живот, то я поняла, что-то была не боль, то были предвестники счастья, так и потери, они часто предвестники перемен и открытий.

Я пытаюсь налить себе воды, держа сына одной рукой, но бутылка падает на пол, ударяясь мне об ноги:

– Фиаско, Паш, попить не вышло, сам видишь, хотя ты спишь и не видишь, улыбаешься во сне и ничего этого вообще не знаешь и не понимаешь, как долго я тебя ждала, – я наклоняюсь и целую кончик носа. Мне кажется он размером меньше фаланги моего мизинца. – Думаю, ждала тебя, не девять месяцев, а всю жизнь. Ждала, переживала о том, как пройдет первая встреча, но будто где-то глубоко внутри уже знала о тебе всё.

Я, с Пашей на руках, сажусь на корточки, и пытаюсь поднять бутылку, не разбудив его, затем, зажав ее между локтем и левым боком, откручиваю зубами крышку, перехватываю сына в правую руку и пью жадно воду. Удалось, я смогла всё сделать и одной левой.

– А еще, сынок, я поняла за эти три дня Одно: с тобой будет просто. Очень! Очень Просто! Зря я так переживала и читала – читала – без конца читала книги, ходила на курсы молодых родителей, еще ведь «опытные» мамыши пуга-

ли. А на деле? На деле что? – я снова перевожу взгляд на лицо Паши, ожидая от него поддержки. – Подгузники менять – это нормально выходит, ты поел и спишь, почти не кричишь, улыбаешься вот, проблем у нас с тобой не будет. Вернись мне?

В это время огни салюта озаряют мое лицо, вспахивая быстро-быстро, кажется, со скоростью света, я улыбаюсь и шепчу, как заговорщик:

–

... и фейерверки на небе сегодня не в честь дня города, они в честь тебя, любимыш. Но это тссс... Наш с тобой секрет, договорились?

26.08.2013

Мама с папой не приехали на выписку, сославшись на очень важные дела по огороду, потому что, как любит повторять мама, «в селе день год потом кормит».

Обиделась ли я на их отказ, скорее нет, потому что научилась уже ничего не ждать от них, а принимать такими, какие они есть.

– Да какого черта я обманываю саму себя!? Конечно, обиделась, расстроилась, не понимаю я, как можно так относиться к своему ребёнку, не понимаю, как моей маме (она ж родила трёх дочек) можно не интересоваться моей беременностью, не хотеть потрогать живот, выходить из комнаты, не дослушав рассказа о том, как я ходила на УЗИ!

Не понимаю, но об этом не скажу никому, потому что не хочу расспросов.

И сижу сейчас на кровати с белыми простынями, сжимая их кулаками в комок, будто хочу выместить злость, но ее же не должно было быть. У меня же началась новая жизнь. и первая, кому я позвонила после родов, была Мама.

Я смотрела на Диму, который следил, как взвешивала медсестра нашего сына, и тараторил маме про своё счастье. Слезы стояли в глазах, внутри все горело от того, что началась новая жизнь, а в итоге, выходит, жизнь осталась прежней. . . прежней для моей мамы, просто я родила ребёнка.

Я тяжело сглатываю, будто пытаюсь проглотить не слюну, а сгусток из непонимания и попыток принять ситуацию, а затем выпускаю из рук простыни.

В моей голове возникает мысль пригласить на выписку сестру, живущую на соседней улице.

Я слушаю ее оправдания, рассматривая, дырку в стене, интересно, что крепилось тут и почему сняли. А в это время в трубке сестра объясняет, что «четырнадцать часов дня это – крайне неудобное время», дескать, «ни в коей мере нельзя нарушать дневной сон Зои, а то несколько минут на выписке покрасуемся, а мне ее истерики потом весь вечер терпи», моей племяшке три годика, и мне хочется верить сестре.

– Наверное, так и есть, – тихонько произношу в никуда, выпивая у окна по совету доктора уже третью чашку чая с молоком. Я смотрю в небо, оно не голубое даже, а будто про-

зрачное от яркого солнца, а вчера с взрывами фейерверков было пестрое, как жизнь.

– ...и тоже говорят, что дневной сон – это святое, – подытоживаю я свои мысли, разговаривая вновь с сыном. – Так что будем считать это уважительной причиной: сон, огород.

Но что-то в душе от этого немного сереет. Ставлю чашку с чаем обратно, она оставляет след на белом больничном столе, так же как отказы моей семьи оставляют след на моей душе. И затем в моей голове, словно яркий свет, приходит осознание – свекровь будет. Для нее это точно событие.

Как горели ее глаза, когда Наталья Леонидовна узнала про мою беременность. Она очень сильно хотела внука, никогда нас с Димой не просила рожать, но я точно знаю: хотела.

У неё сломалась машина, и она прям сейчас едет из командировки на автобусах с пересадкой, чтоб разделить с нами этот день, а затем обратно вернуться на работу, решила проехать 300 километров ради нескольких минут встречи с Новым Человеком.

И я уверена: всё будет хорошо, ведь что такое выписка – это выход в свет, первый выход в свет ребёнка и первый выход в свет меня как мамы.

С этими мыслями, я достаю из тумбочки косметичку, пытаюсь создать из растрепанного существа подобие женщины, которой предстоит выйти в свет.

27.08.2013

В детстве я любила смотреть с родителями старые фильмы и представлять себя их героями, проживать сюжет, будто из кино, «примеряя на себя переживания». Помню, как в одном из них купали ребёнка, и все бегали-прыгали-волновались, я тогда не понимала отчего, а мама мне пояснила, что это одно из важных событий.

– Да? – произнесла я тогда удивленно, и повторила бы вновь сейчас, буквально час назад покупали сына впервые, и что? Что в этом такого важного? Показалось всё мне крайне легким, не понимаю, почему многие так этого боятся, если верить тем рассказам мамы, и ждут бабушек-дедушек для поддержки.

Я, правда, не стала купать одна, боясь, что сын выскользнет из моих рук, поэтому ждала поддержки в лице мужа, который не перестаёт повторять, что наш сынулька – угарный тип.

– Слышишь, Паша! Я тут с тобой болтаю, – без конца говорил Димка, поливая сквозь свои пальцы грудь сына водой, – угарный. Ты наш угарный, а хохолок у тебя, будто ты рокер.

– Дим, я слышала не раз, что некоторые дети боятся воды и купания, может, это от того, что их неправильно купали первый раз, – начала я свои рассуждения, но муж не поворачивал голову в мою сторону. – Может, дети боятся купаться, потому что воду сделали слишком горячей или держали ребёнка не так, как нужно.

– Лен, переставай думать об этих «некоторые дети», –

немного нервно обрезал Дима, – вот он, наш сын, давай купать его и наслаждаться этим моментом.

– Я просто хотела сказать, что делаю всё верно, поэтому мне легко! – мне было обидно, что муж не хотел услышать суть. Мне Легко и всё ясно с сыном!

Дима ничего не ответил, просто посмотрел на меня и начал улыбаться больше прежнего сыну.

03.09.2013

– «Легко и ясно» говорите? – уверенно разговаривала я сама с собою, глядя в монитор ноутбука. – Вернее, я сама недавно говорила, что мне легко и ясно, но мой оптимизм начинает немного испаряться, хотя хотелось бы, чтоб исчезал живот, а то ощущение, что я всё ещё беременная, висит, как мешок картошки.

Я нажала на кнопку перезагрузки, потому что мой старенький ноутбук, который я купила на первые заработанные на каникулах в США деньги, отказывался загружать страницы. Складывалось ощущение, что он уже не «вывозил», также как и я.

Наконец-то монитор загорелся, и высветилось фото, сделанное несколько месяцев назад, мы с Димой стоим, друг к другу спиной, в чёрных комбинезонах, он надувает смешно щеки, а я втягиваю их, чтоб казаться стройнее.

– Так-так, надо поставить другую заставку, с выписки, – говорю я вслух, и начинаю уже открывать папку, чтоб вы-

брать новое фото, глаза падают на изображение Паши и бабушки, она держит его на руках, а в глазах – любовь. Как призналась потом Наталья Леонидовна: «Я, Лен, минуту, пока вы мне его поддержать дали, не дышала, боялась, это ж счастье такое!» – точно это фото и надо на заставку.

Мои мысли прервало недовольное кряхтение Паши, я взяла его на руки и стала ходить кругами по комнате, потом – мне стало скучно ходить кругами, и я стала ходить, рисуя мысленно знак бесконечности, затем – «рисовать» шагами слово «спать». Погрузившись в мысль: «Делать ли соединения между буквами», – я не заметила, как сынок засопел.

Укладывая его в кроватку, я начала ещё сильнее думать, почему уже третью ночь Пашенька спит в кроватке лишь минут тридцать-сорок, а затем начинает нервничать, капризничать, плакать, просит есть и не ест.

– ... будто ему чего-то не хватает, но чего? Как это понять, а? И вот я решила положить его к себе в кровать, – мой разговор с самой собою у ноутбука продолжался. Глядя в глаза свекрови, смотрящей на меня с фото экрана, я мысленно продолжала. – В нашей кровати он спит часа три. Безмятежно, крепко, сладко посапывая. Чувствуется, что ему комфортно и уютно. С одной стороны, я рада, что сыночку, вроде, хорошо. Но, с другой стороны, я боюсь, что он привыкнет спать с нами, в нем не будет самостоятельности, а он ведь отдельный человек.

Наконец-то ноутбук начал быстро работать, поэтому я

стала набирать пальцами в поисковике: «Как отучить ребенка в 2 недели спать с родителями?»

– О, как много нашлось источников, – улыбка появилась на моем усталом лице, и я широко зевнула. – Сейчас быстро найду ответ и спать. Сладко спать.

– Эх, рано ты обрадовалась, Лен, – вырвалось у меня вслух, когда я увидела ссылки на чаты мам и рассказы, как отучить ребенка спать с родителями в три года.

Я реально опешила, аж сбегала быстро на кухню за крепким чаем, читаю одним глазом и смеюсь: в три года, в ТРИ, вы реально!? Хочется спросить, а до трёх лет вы что делали? Да ребенок в три года – уже отдельная личность, и при правильном воспитании сам с вами спать не захочет.

Тут мне вспомнилось видео, которое мне показывали на курсах для молодых мам: маленький мальчик из Японии в три года сам разделывает и готовит рыбу.

Сам. А почему? Потому что верная система воспитания выбрана, а тут спит с нами в три года.

Я отпила чай, удивляясь наивности мам, и не рассчитала, что он ещё не остыл, поэтому обожгла губы и выплюнула на бежевый мягкий ковёр фонтаном.

– Блядь, – громко вырвалось, и я быстро побежала за тряпкой в ванную, оттирая пятно, во мне будто боролись два человека, один говорил: «да иди и спи, и Пашка пусть спит, где хочет», а другой бил меня яростно ладонями по щекам и кричал истошно в ухо: «а ну-ка собралась быстро! Ты учи-

лась на курсах, ты читала, ты не сдашься и найдёшь ответ».

Я снова села к ноутбуку, чай как раз остыл. На этот раз я решила набрать в поисковике возраст КРУПНО:

«Как ОТУЧИТЬ ребёнка в ДВЕ НЕДЕЛИ спать с родителями?»

На экране, как издевательство, появилось «возможно, вы имели в виду, как отучить ребёнка в ДВА ГОДА спать с родителями», ссылки на те же самые сайты и чаты про три года.

Я, подняв колени к голове, сидела на стуле и пялилась в уже прочитанные до этого строчки, набирала в рот чай, булькала, не понимая, почему нет ответа, меня это безумно настораживало, ведь проблема, думаю, такая не только меня коснулась, а статьи об этом педиатры не пишут или я неверно ищу.

Мои мысли прервал плач сына, я взяла его на руки и прижала к себе, он стих, подглядывая чуть приоткрытым взглядом. Я снова начала ходить по комнате, но в этот раз, рисуя мысленно только знак бесконечности, потому что, сколько это ещё продлится, я не знаю.

05.09.2013

– Лен, иди ко мне, пожалуйста, – я повернула голову в сторону мужа, который движениями рук звал меня к себе. – Ну, иди, я посажу тебя на коленочки, как маленькую, и будем болтать, выключай уже ноутбук.

– Дим, подожди, – шептала я, боясь разбудить нашего зай-

ку, – я и так расстроена, за эти дни я облазила весь интернет, я читала даже в английском переводе диссертации французских врачей. И нигде, нигде, понимаешь, нет информации ни по приучению ребенка к своей кровати в возрасте двух недель, ни о том, как понять, что новорождённый наелся.

– Я знаю, Лен, ты об этом говорила вчера, сегодня утром, звонила днём и рассказывала, вечером я пришёл и стал варить себе вареники, потому что ты ищешь, ищешь, а точно надо искать? – меня возмутил и задел голос мужа, но я не подала виду.

– На сегодня я закончу, а завтра достану купленные во время беременности книги, может, просто в них упустила этот фрагмент, – сказала я, подходя к мужу и впервые за вечер, глядя в его глаза. – А ещё, чуть не забыла, енот, я нашла памятку, которую мне отдала медсестра в роддоме, в ней ясно и четко указано: «Прикладывать ребенка к груди по требованию, но не чаще чем раз в 2,5-3 часа».

Дима усадил меня на колени и стал дуть на плечо.

– Ты что делаешь? Отстань и выслушай, мне ещё сказала медсестра из поликлиники (она сегодня приходила), что ребенок может наестся за минут двадцать.

Дима продолжал дуть мне на плечо, будто не слушал меня, а я продолжала сетовать, будто говорю не с ним, а снова с самой собою:

– И вот я не пойму, как возможны эти цифры. Пашенька может есть от двадцати минут до двух часов, потом спать

минут десять и снова есть, – я глубоко вздохнула. – Какая-то чушь начинает твориться, я об этом не читала нигде. Зачем ты на меня дуешь? Перестань. Меня это бесит.

– Тебя последние дни бесят все, Лен, – сказал резко муж, снял меня с колен и ушёл в ванную чистить зубы, а мне хотелось кинуть вслед закрывающейся зеркальной двери чем-то тяжёлым, чтоб разбить ее вдребезги.

07.09.2013

Как же мне плохо. Плохо круглосуточно. И от этого «плохо» я не знаю, куда деться

Паша все время не спит. Он кричит, кричит так громко, как не ожидаешь от человека весом в три килограмма.

От его крика всё сжимается, хочется в ответ заорать, просто повернуться в стену, и громко так: «АААААА!» – и слезы накрывают без конца

И Дима такой ещё с округлёнными глазищами, как рыба, которую выкинуло на берег:

– Лен, чего он кричит? Чего он кричит? Чего?

Заладил, будто «пластинку заело», а я откуда должна знать.

Прям сейчас одела сына на прогулку, спускаемся в лифте, и Паша начинает истошно плакать. Я беспомощно держу его на руках, Дима ухватился за коляску, как тонущий за соломинку, и начал своё:

– Лен, почему он кричит? Это нормально? Он, может, есть

хочет? Лен, ответь.

А меня уже «накрывает», начинаю истошно кричать, чтоб перекричать плач Паши:

– Я не сто лет, как мать! Если что, я с ним знакома, как и ты полмесяца. Забыл? Так напомню, – тут я поднесла конверт с сыном к лицу мужа. – Видишь, это Паша, вместе его делали, вместе «вынашивали», вместе рожали, вместе начали воспитывать. Понял?

И тут двери лифта открылись, на нас смотрела бабулька, которая живет, вроде, на третьем этаже, она отошла вбок, пропуская коляску и не сказав ничего, но я понимала, что она всё слышала.

Из подъезда мы выходили вместе, но отдельно:

– Паша, как успокоится, так я вернусь, пока в сквере с ним одна похожу.

Дима ничего не ответил, просто молча покатыл пустую коляску в другую сторону.

Паша успокоился очень быстро, засопел, но я не могла прийти в себя, понимая, что муж бесит меня сейчас гораздо больше сына: эти бесконечные вопросы, удивлённые глаза, которые ждут ответа, или как у рыбы, которая ничего не может сказать разумного.

Я подошла к киоску, купила себе белый пломбир, злобно кусаю его, я продумывала развёрнутый ответ, который скажу Диме, когда он снова начнёт своё: «Почему он плачет?», а что если я скажу ему так:

– Уважаемый муж! Сын кричит, потому в бешенстве от желтого цвета боди, и протестует, требуя надеть синие трусы вместо штанов с дебильными лягушатами! Ибо если протестовать, то только в синих трусах!

Нет, какой-то дурацкий ответ. Он даже не дослушает, я ещё раз откусила мороженое и села на лавку, а если так отвечу:

– Он кричит, потому что ты отказался ходить на курсы молодых родителей.

Нет, не пойдёт, я ж знаю, что Дима хотел, но у него не вышло из-за работы. Мороженое капнуло мне на кроссовки, и я уже хотела выругаться вслух, как до меня дотронулась рука мужа.

– Извини, – мы одновременно начали говорить, и заулыбались.

Новоиспечённый папаша сел рядом, а я произнесла немного отрешённо:

– Дим, я не знаю, может плачет, потому что хочет перевернуться, может, рука затекла, может, есть хочет, я честно не знаю, хотя он же недавно ел. И почему он вообще ест все время, смотрит на меня голодными глазами снова ест и плачет, и снова ест.

– Лен, давай положим его в коляску.

– Я так подержу, а то уже боюсь, что проснётся, и снова этот крик, а в книге было написано Красиво: младенец поел, посмотрел вокруг, спит почти двадцать часов первые меся-

цы. Так и хочется найти автора этой книги, прижать к стене и закричать: «Показывай мне давай таких правильных младенцев! Быстро показывай!»

– Лен, порой мне кажется, что Паша кричит почти двадцать часов, потому что хочет, черт его подери, кричать, – Димка пытался шутить, но мне было не до этого.

– Что-то подсказывает мне, что Он просто хочет есть, но я мама, я должна просто кормить сама. Я и кормлю, а он кричит, – капли мороженого упали снова на кроссовки, Дима достал быстро салфетку, наклонился и стал вытирать.

С минуту мы оба молчали, глядя в никуда. Затем я услышала робкий голос мужа:

– Давай я куплю смеси, их ещё будешь давать. Ты только скажи, что нужно.

Внутри меня всё натянулось, ноздри раздулись, и я начала шептать, сильно артикулируя:

– Все! Повторяю ВСЕ могут кормить сами. Нет женщин, не способных кормить грудью. Все идет из головы, я об этом читала, – Дима не перебивал меня и не пытался спорить, поэтому я стала говорить спокойнее. – Вернее, какой-то там маленький процент не может, а все остальные «придумывают себе причины не кормить». А я не придумаваю! Я женщина и кормлю. И точка!

– Я тебя понял, Лисенок. Значит, скоро всё наладится, – произнёс муж, но его тяжёлый вздох говорил о том, что он очень устал.

– Дим, дослушай и не вздыхай так, – я строго посмотрела на мужа. – Смеси портят детей, делают из них больных, иммунитет у искусственников никудышный. Я каждый день говорю сама себе: «Лена, соберись, ешь-пей, все будет хорошо... Но собраться не могу! Черт! Черт! Черт!»

Я начала резко плакать и разбудила Пашу, видя мои слёзы, Дима взял его на руки и стал ходить вокруг лавки, на которой я сидела, ковыряя ногой, приклеившейся к тротуару желтый лист берёзы.

Я говорила сквозь слёзы и какую-то внутреннюю боль:

– От Пашиного крика всё у меня внутри натягивается как струна... Нет, не так даже... натягивается так, будто внутри меня спрятан канат, и два огромных великана, тянут его в разные стороны, пытаюсь разорвать меня на тысячи кусков. И разрывают меня под голодный крик сына... крик, к которому ещё добавились колики.

Я не видела ничего вокруг, слёзы, будто ливень стояли стеной в глазах:

– И меня, Дим, «накрывает», накрывает от беспомощности: я не знаю, как помочь, могу только прижать сына к себе крепко-крепко, как самое дорогое счастье в мире, но разве это ему поможет? Это поможет от колик, скажи? Прижать к себе с любовью, когда внутри два великана разрывают тебя на части.

Дима не знал ответа, он просто ходил вокруг лавки с сыном. И я не знала ответа, я просто сидела на лавочке и пла-

кала.

09.09.2013

Я вытащила из ушей наушники, в которых шла лекция президента ассоциации педиатров про верное введение прикорма, вытащила и стала слушать, как сопит Паша, как он набирает воздух в такой крохотный носик, как его приоткрытые губки похожи на изящные изгибы какого-то красивого цветка.

Он будто почувствовал, что его рассматривают, и глубоко вздохнул, немного шевелясь.

Я убрала вниз планшет, пытаюсь ногой отодвинуть, как можно дальше, как самое ненужное, что может быть сейчас в жизни.

Мне было так тепло, и даже не от его тела, а от ощущения, что вот он такой маленький настоящий. Ему три недели, всего три, а он такой... не знаю, как выразить словами.

– Как я сейчас счастлива, очень. Вселенная, ты мне веришь? Веришь, что это и есть счастье? Если да, то дай какой-то знак, – с улыбкой произнесла я мысленно, рассматривая маленькие тёмные волосики на ушках Паши.

И вдруг неожиданно, не просыпаясь, он громко пукнул.

Я еле сдерживала смех.

– Это что и есть «знак Вселенной», да? Символично! Очень даже символично, – проносилось в голове. – Днями кажется, что всё мое новоиспечённое материнство идёт че-

рез ж..пу, но несмотря на это я счастлива! Да и кто сказал, что это неверный путь!

12.09.2013

Я смотрела, как они толкают его и снимают куртку, а затем – штаны, он пытается дать отпор, но падает вниз, удар, по ногам, ещё. Он пытается встать, но не может. Один из пацанов встал ему на руки.

Было пасмурно, начинал накрапывать дождь, и все мысли про «закрывать окно» улетучились, когда я увидела пять мальчишек лет девяти-десяти, издевающихся над шестым.

На моих руках только-только уснул Пашенька, он прижался ко мне раздетый всем телом, и я отдавала ему своё тепло, и этот мальчик, раздетый до трусов лежал на земле, которая обдавала его холодом. Мое сердце разрывалось, ком стоял в горле, когда я пыталась повернуть чёртову ручку окна, чтоб распахнуть его полностью.

– Как? Как из таких пахнущих раем детей могут вырастать такие жестокие, будто не имеющие души? А если кто-то потом также сделает с Пашей? – слёзы стояли в глазах, сын сильнее прижался ко мне, отдавая в ответ тепло и свою нежность.

– А если он? Он также будет поступать с другими? – в моей голове пронеслась мысль, от которой меня покорило, и по телу прошла дрожь. – Нет, он не сможет. Он не будет. Я научу его любить других людей. Любить и уважать. Я пока-

жу, что в мире много...

Ручка наконец-то мне поддалась, и окно распахнулось настежь.

Я стала кричать с высоты пятого этажа, не боясь, пожалуй, впервые не боясь разбудить сына:

– Быстро от него отошли! Быстро отошли и отдали одежду.

Вся компашка подняла на меня свои головы, густые кусты загораживали их от дороги и тропинок, от посторонних глаз, поэтому они не ожидали, что кто-то их увидит:

– А что ты нам сделаешь? Что? – крикнул тот, что стоял на руке мальчика, вдавливая ее в жёлтую листву.

Меня перекоробило от его «ты», от наглости в голосе, я, действительно, не могла ничего сделать, хотя нет. Я могла. Могла и должна была что-то сделать.

Я положила сына в качельку, стоящую тут же на кухне, ногой включила ее, набрала номер Димы и стала звонить. Зажав телефон между ухом и плечом, я открыла холодильник, набрала в руки яйца и подбежала к окну. Запультнула первое.

На всё про всё у меня ушли секунды.

Яйцо смачно упало под ноги одного из обидчиков, ееее, не зря у меня была пятёрка по метанию гранаты в школе, вот, оказывается, для чего надо тогда сдавать эти нормативы.

Второе яйцо полетело вниз, приземлившись на голову еще одного, державшего в руках штаны мальчика:

– Тётька, вы чего кидаетесь? Дура что ли, – было видно,

что они опешили от того, что на них полетели «мои гранаты». – Он сам виноват, проиграл в споре, так отвечай.

В это время тот в красной кепке убрал ногу с руки мальчика, он сел, чувствуя пусть и издалека мою защиту.

В это время Дима взял трубку, я с плачем в голосе, не переставая кидать яйца, начала:

– Ты паркуешься, да? Срочно беги за кусты в углу двора! Оставь пакеты и беги, слышишь?... Там мальчика обижают...нет, сами не разберутся...нет! Он – один, их – пять. Такая холодрыга, а они его раздели. Представь, что Пашу б так раздели. Беги. Быстро!

Я пульнула ещё яйцо, в моих руках оставалось последнее.

– Удар, – начала я комментировать свои действия вслух, чувствуя силу и зная, что идёт подкрепление. – Полетело.

Яйцо попало в голову... Диме, который пришёл на помощь.

– Быстро отсюда сдриснули, – прорычал он, держа в одной руке пачку подгузников, а в другой – пакет с продуктами. – И одежду отдали.

Компания что-то начала отвечать Диме, но я уже не слышала, громко заплакал Паша, подбежала к нему, взяла на руки, крепко-крепко обняла, будто сейчас защищала не незнакомого мне мальчика, а сына, чьего-то любимого сына.

Слёзы градом лились по щекам, а я бесконечно целовала его и шептала:

– У каждой мамы, сынок, есть руки, «невидимые руки»,

которые приходят на помощь, когда ребёнку плохо, страшно, стоит закрыть глаза, представить маму, – мои слёзы капали на щёки сына и катились по ним, будто соединяя нас снова в единое создание. – ... и мама придёт, обнимет и поддержит, придёт через расстояния, через годы, неважно, сколько ее ребёнку лет, понимаешь?

Я чувствовала, что Паша понимал. Я громко шмыгала носом, думая, что любая мама встала бы также на защиту ребёнка, как я сейчас, потому что чужих детей не бывает, если ты настоящая мама.

Дима тихо зашёл в квартиру, не включая в коридоре свет, я подошла к нему, чтоб забрать пакеты, на волосах мужа и куртке были видны следы яйца:

– Сколько «снарядов» было запущено, боец Елена?

– Девятнадцать.

– Метко, – Димка улыбался. – Вот она материнская любовь, способная порвать за ребёнка. Ты крутая!

Я гордо стояла в помятой пижаме и спутанными приподнятыми вверх волосами, держа в одной руке сына, в другой – подгузники, шмыгала носом и ждала поцелуя мужа.

18.09.2013

Закатить снова женскую истерику?!

Легко, вернее даже легко и просто.

В общем, я не знаю, что со мной происходит: сдают нервы, гормоны, недосып, пресловутая послеродовая депрессия.

Меня накрывало волной слез, казалось, что мне снова тринадцать, и я не так нырнула в море, а вода не прощает такого. Меня начинает крутить, крутить, переворачивать в воде, я хочу выплыть вверх, но перед глазами только мутная вода и дно, я отталкиваюсь от него, пытаюсь выплыть, и вот чувствую чьи-то руки. Они тянут ввысь, они помогут, они спасут. И вот я уже сижу на берегу: верха купальника нет, волосы похожи на мочалку, из них торчит песок, водоросли, мусор, в глазах – какая-то боль, а в голове – полное непонимание происходящего.

Так и сейчас мне будто снова тринадцать, я сижу на лавке в том же сквере, где и вчера, и позавчера, где буду и завтра, волосы стоят «дыбом» от того, как меня «накрыло материнством», да вот торчат из них, не водоросли и песок, а куча вопросов, на которые я знаю ответы, как оказалось, только в теории... или я преувеличиваю.

И Дима, как те руки, что спасли меня в тринадцать, протягивает мне с улыбкой на улице клубничное мороженое, дескать, на, лисичка, ешь, пока сынок спит.

А я не хочу, не хочу этих «рук помощи», или хочу, но чего-то иного.

Я неожиданно начинаю реветь в голос:

– Во что превращается моя жизнь?! А я? Где я? Я вообще эти четыре недели есть? Или я дополнение к «смени подгузник», «закинь белье», «научись понимать крик», а я хочу быть Человеком, таким как была год назад.

Муж чего-то пытается успокоить меня, опять и снова бор-моча:

– Я ж помогаю... я рядом, мы справимся, Лен.

Отворачиваюсь и смотрю, как на тропинке ветер подхватывает несколько пестрых листьев и начинает крутить в «танце осени». Смотрю и вижу себя снова тринадцатилетней, и мне хочется, чтоб волна продолжала крутить, чтоб волосы забились песком, и животный страх помог самой выбраться из этого «моря проблем».

02.10.2013

– Я сдалась и утонула или все-таки выбралась?! – нервно стучала пальцами по стеклянной столешнице. – Проиграла или выиграла? Кто ответит? Это покажет время. Возможно, покажет.

Больше месяца днем и ночью я ничего не могла делать, Пашенька всё время ел и ел. Промежутки между кормлениями в минут двадцать-тридцать, и снова плач. Громкий беспомощный плач, причём «беспомощный» – это про отсутствие, мне кажется, моей помощи ребёнку, я просто носила на руках, не понимая, как помогать ещё.

А затем я купила смесь, вернее Димка. Собрался под мои прогулки по комнате кругами и в виде символа бесконечность. Ни слова не говоря, собрался в десять часов вечера, поехал в магазин и купил смесь и бутылки.

Приехал домой, помыл все тщательно, размешал, и про-

тянул заплаканным мне и сыну.

У меня округлились глаза, будто я решала взять ее в руки и предать все свои попытки быть настоящей мамой, способной кормить самой, или сдаться, не упираться, как баран, и дать ребёнку поесть.

Я не могла решиться, Дима взял сына на руки, сказав мне: – Отдохни, сядь. Дай я попробую.

Он прижал Пашу к себе, а тот жадно накинулся на еду, затем отстранился немного и посмотрел на Диму таким взрослыми взглядом. Если бы я не сидела рядом, то никому бы не поверила, что такой кроха может так взглянуть.

А у Паши в тот момент сильно округлилась глаза, будто он спрашивал отца:

– Эй, чувак, а до этого месяц что было? Нельзя было покормить, да.

Чем сильнее аппетитнее чавкал сын, тем сильнее я начала улыбаться.

А Паша поел и уснул. На пять часов. Целых пять часов, я ночью аж просыпалась от того, что думала, что он снова кричит, а я не слышу.

А он просто сопел.

И, вроде, мне радостно должно быть, что сын стал плакать меньше, но я сижу и не знаю, что это? Мой материнский прогрыш или победа!

Сижу не дома. В кафе, куда отправил Дима. Я выбрала недалеко от дома, из его окон виднеется сквер с пестрыми де-

ревьями, которые раскрывают себя по-особому именно осенью, ведь вот весной и летом, если не вглядываться в форму листы, то они все издали зелёные, как женщина до рождения ребёнка, а наступает осень, и каждый листок начинает играть своими красками, показывая насколько по-разному каждая относится к роли матери.

– Боже, какое странное сравнение возникло, – мои мысли меня пугают, ведь я одна. Впервые в материнской жизни я один на один, сама с собой, – надо отвлечься и думать о своём, не о сыне и мамках.

И вот я смотрю на посетителей, паренька, «залипающего в телефон», двух подружек лет двадцати, обсуждающих куртку, женщину с внучкой лет пяти, которая засыпает себе в рот сахар, как птенец заглатывает червяка.

Смотрю на них, и мне кажется, что они понимают, что я тут неспроста, что я тут не «наедине с самой собою», а Мама, которой просто дали часик побыть одной, одной в ожидании кофе и ... работы.

Да, наконец-то, ЭТО случилось, я нашла ещё одну парочку спасательных рук, которые не дадут мне «раскиснуть», как подгузник, если его долго не менять. Работа точно поможет мне не «уйти под воду», ведь это то, чем я хотела заниматься с детства, то, что даёт силы, каждый сложный перевод как восхождение на Эверест с криком: «эээ, и это я покорила!»

Помню, как во время беременности работа не давала мне

раскиснуть, мобилизовала. Помню, как на меня, пузатую, глазели мужики, когда я скакала по лестницам при сдаче нового кондитерского цеха за пять дней до родов, а я кайфовала от того, что могу работать, могу и хочу!

– Ваш капучино, – на стол поставили кофе в нежно-розовой чашке.

«Ваш капучино» – как это сладко звучит, Боже!

Порой надо ограничить себя в чем-то, чтобы понять прелесть счастья в моменте: разве я любила так кофе до беременности, нет, но почти год без него, и уже от аромата дурманит головушку. Жизнь, ты прекрасна!

А ещё мысли о скором переводе свидетельств о рождении, Боже, как я хочу работать.

А сейчас быстро пить кофе бежать к моим мужчинам домой! Жизнь, ты поистине прекрасна!

12.10.2013

Жизнь, ты дерьмо! Слышишь, дерь-мо. Полное дерьмо!

Вернее, ты дерьмо, потому что его нет!

Сменили за две недели сыну уже три вида смеси, то его пучит как лягушку, живот надуется, словно пузырь, боюсь прикоснуться, чтоб не лопнул через зад. Вот так материнское доброе сравнение, но вот реально так. Или по-другому, если не видеть, кто издаёт звуки, то кажется, что со мной живет какой-то старикан.

То просто тишина вместо какашек третий день, а держать

в себе дерьмо нельзя: ни фигурально, ни фактически.

– До чего ты докатилась, Лен, – начала я мысленно отчитывать саму себя. – Без конца лезешь и проверяешь подгузник. Димка сгонял к педиатру, а та сказала: давайте вводите отвар чернослива, но я уверена, что рано для прикорма!

Я взяла на руки сына, который всем видом показывал, что недоволен происходящем в его жизни.

– Паша-Паша, теперь ясно, отчего мамыши уделяют столько времени какашкам, – сын чуть повернул голову в мою сторону и начал косить одним глазами. – Теперь и я стала такой мамашей сама.

Затем в моей голове возникла мысль, от которой мне стало безумно смешно: а ведь можно эволюцию развития матери по какахам выстроить:

- поиск оптимальных подгузников по отзывам;
- как приучить ребёнка к горшку, и нужен ли он;
- умение парировать на возгласы «ему 2, а он ещё в подгузнике»;
- обучение унитазу как отдельный вид искусства;
- блин, смывай за собой, те ж уже 5, и попу нормально вытри!
- (уровень для мам сыновей) тебя стульчак не учили поднимать, а?!

Но вернёмся к нашим баранам, вернее к запору, просто в голове не укладывается: мне не дает покоя чужое дерьмо! Неверно сказала, оно не чужое, оно моего сына, да и «дерь-

мо» звучит грубо, Пусть будут «какахи», так и запишем. Будь они неладны!

19.10.2013

Вечером к нам приезжали Кулискины. Алена, оказывается, нашлась опытная, их сыну-то год уже, как разошлась, разошлась, так начала давать разные советы прям с порога: коляску в подъезде не держи – вдруг коты чужие помочатся, колёса мой после каждой прогулки, и в квартиру заноси, на ней и укачивай ребёнка. А ещё зря я гостей первый месяц, оказывается, принимала, могли ребёнка сглазить, поэтому они «от греха подальше, Лен» приехали через два месяца.

И слушаю я подругу, с которой столько лет знакомы, а ощущение, что человека первый раз вижу – и это я делаю не так, и то я делаю не так: ребёнка надо туго пеленать, гулять дважды в день даже в дождь, купать только, обернув в ситцевую простыню, чтоб не испугать.

– Дим, а ты слышал, что Алёна мне рекомендовала обязательно вступить в мамские чаты в интернете: в них вся правда, оказывается, – крикнула я мужу из коридора, пока он в окно кухни смотрел на неожиданно начавшийся первый снег.

– Вот оно чё, – донеслось от него, ну если Аленка говорит, то вступишь, да?

– Да не хочу я никуда вступать, но в чаты, где докторов обсуждают, и свечами из чеснока запор новорождённых ле-

чат, ни в чаты, где одежду со скидкой, собравшись в стайки по семьсот человек заказывают, – нервно ответила я, видно же, что я злюсь, ёрничаю, а муж «вступи», – понимаешь, да хватит смотреть в окно, Дим.

Муж обернулся на секунду, и я продолжала:

– Только надо сейчас в октябре вступить в группу и на следующую зиму заказать эту самую одежду, размер чада, высчитав, понимаешь! А что ты не мать? Не знаешь рост ребёнка на год вперёд? Пороть тебя надо?!

– Лен, ты чего такая злая? А? – Дима посмотрел на меня серьезно. – Алёна просто говорит тебе, как сама живет, она не учит жить также, она говорит то, что сама считает правильным, понимаешь?

Я ничего не ответила Диме, мне хотелось поддержки в его лице, а не таких слов на тему вечной толерантности.

Дима продолжал смотреть в окно с сыном на руках, приговаривая:

– Это твой снег. Твой первый снег. Ты его не запомнишь, но я обязательно расскажу, как мы на него с тобой любовались.

Я вышла из кухни, в голове стояли Алёнкины рассказы, а ещё отчего-то вспомнился детский фильм про собаку «Бетховен». Там был такой момент, когда хозяйка подавала коктейли гостям, которые ей улыбались лишь лицом, и вот она отпила чуток, поняла, что нормально на вкус, и это обратно всё выплюнула в стакан....

Так и я смотрела сегодня на Алёну, макающую мою шарлотку, которая, по ее словам, не пропеклась, в клубничное варенье и жалела моментами, что в него не плюнула, особенно, когда она начала причитать, что я мало старалась с грудным вскармливанием и, видимо, неверно прикладывала сына к груди.

А я вида не подаю, улыбаюсь ей, держа на руках спящего сына, а внутри всё негодует, и тут она говорит так авторитетно, будто мне не подруга, а мать:

– И, Лен, прошу тебя: не приучай к рукам! Потом натерпешься! Клади в кровать, будет кричать, подойди и объясни, что ты в доме хозяйка!

Я откинулась на мягкую подушку дивана, вспоминая сегодняшних гостей, а голове выстраивался странный вывод от происходящего: материнство делает меня той ещё хозяйкой. Хозяйкой, которой хочется плюнуть в еду гостям, держа на руках своего ребёнка.

А ещё сегодня отчего-то сильно раздражал Лёшка. Причём он ж нормальный, я прежде любила очень с ним общаться. А сегодня, будто подменили, высмеивает Диму, объясняет, что мужик не должен подгузники так-то менять, «потому что ты ж не Баба, а Добытчик».

Советы тоже раздаёт, как нам надо спать, умники одни кругом.

– Мужу на полу на кухне стели, а себе с сыном – в комнате, – а потом повернулся к Диме, держа на руках Степку,

щекочет его так любовно и при этом приглаживает. – Ты меня послушай, я через это всё уже прошёл, добра тебе ж желаю, ты работающий человек, ты высыпаться должен, а Ленке что? Мальца покормила, помыла и дрыхни дома весь день.

Чего-то сегодня, видимо, звёзды сошлись так, что Кулискины, пожалуй, впервые в жизни вызывали такие эмоции.

А нужны ли мне вообще были сегодня такие гости, которые, вроде, и с подарками пришли, и улыбаются, а ощущение, что, советуя то да сё, дерьмом тебя обмазывают да погуще, погуще.

Вставая с дивана, я улыбнулась, будто найдя, как надо было ответить им:

– А что ж ты, Ален, в одну харю съела половину моей сырой шарлотки, раздавая советы, а?! А ты, Леш, сам разве Степку не кормил и не вставал ночами, когда жену с осложнениями через две недели после родов положили в больницу. Засуньте себе свои советы...

Я зашла на кухню, Дима продолжал стоять с сыном у окна, тот задремал.

Взяв со стола остатки шарлотки, я смачно кинула ее вместе с тарелкой в пустое ведро, как баскетболист забрасывает в корзину мяч:

– Не пропеклась.

Муж молчал, я тоже.

Внутренний голос снова твердил, что надо полагаться на своё шестое чувство, на эмоции, которые Пашенька выража-

ет.

Мои мысли прервал голос мужа:

– Сынок уснул, обсасывая палец, и так каждый раз, может, Лен, купим ему соску?

Я глубоко набрала воздух в лёгкие, вздохнула и повторила, наверное, в тысячный раз, что читала мнение врачей, что только шесть процентов детей нуждаются от природы в соске, что у Паши просто обычный сосательный рефлекс, он с ним справится.

Дима тоже тяжело вздохнул и положил сына в качельку:

– А если он как раз нуждается? Тот самый из шести процентов.

Я отвернулась к окну, снег начал валить крупными хлопьями, не глядя на мужа я шептала:

– Катя... ты ж веришь Кате? Ты знаешь, что она хороший психолог, курсы для беременных ведёт, так вот она мне всё не раз объясняла, говорила, что родители дают детям соски, только чтобы оградиться от них, чтобы лишний раз не брать на руки.

– А ещё твоя Катя сравнивает коляски с садовыми тачками, утверждая, что в них детей возят, как овощи, и призывает ходить в этих, как их там ... тряпках намотанных и приблудах этих? И что? – таким раздражённым я Диму давно не видела, но и стерпеть не могла.

– Возможно, я Кате верю, потому что она знает, что это не тряпки, а слинг, а приблуда – эргорюкзак, а? – улыбка по-

явилась на моем лице, потому что на это ответить Димка не сможет. – Ох, и повезёт потом ее детям, помяни мое слово, когда Катя сама мамой станет.

От сильного снегопада в кухне стало темно, боковым зрением я видела, как на кухне загорелась подсветка, начал шуметь чайник, донёсся металлический звук открывающейся крышки с ароматным китайским чаем, а затем открылась дверка шкафа. Я повернула голову, Дима достал из мусорного ведра мою шарлотку, пусть и пустого ведра, в который я только-только вложила новый пакет, но сам факт. Он достал пирог из мусорки, потом он взял ложку и стал есть.

Мой Дима, который не вытирается дважды полотенцем после душа, который не ест, если на столе есть крошки, который... в моей голове, казалось, произошёл какой-то сбой, и я начала заикаться:

– Ты... ты... что делаешь? Я выбросила, Алёна сказала, он не пропекся!

– А мне пох...й? Слышишь, и на мнение Аленки о пироге, и о чатах, и на слова Лешки про сон на полу в кухне, и на Катю с ее слингами, пусть засунет их себе вместе с соской в... – мужа прервал звонок, Катя будто чувствовала, что мы говорим о ней, я не стала отвечать, смотря на Диму, который редко повышает голос. – Ты меня слышишь? На всех пох...й! Я ем шарлотку из мусорки, и мне вкусно! Вкусно, и сына я воспитаю, потому что думаю своей головой и сердцем, а не жду инструкций по применению от подруг или книг.

Я смотрела на сына, спящего в качели, мужа, стоящего рядом, евшего шарлотку, и не могла понять, кого мне слушать, психологов, подруг, авторов прочитанных книг, своё сердце.

Я смотрела в окно, продолжал валить снег. Первый снег. Первый снег нашего сына, который он не запомнит, но о котором ему обещал рассказать муж.

26.10.2013

Есть люди, которые загораются как порох, стоит им только дать повод, а есть – как мокрые дрова, которые надо прям «попытаться» разжечь.

Моя свекровь, Наталья Леонидовна, относится как раз ко второй категории, мне кажется, вывести ее из себя невозможно, хотя я пыталась и не раз, не специально, а как-то реально специально, чего греха таить. Но королевская статья, ухоженность и манеры свекрови брали всегда верх над моей энергичностью и скоростью.

Так вчера разгорелся спор о том, что моё материнство ещё впереди, что многое пока я не могу осознать в силу возраста.

Я начала кипеть сильнее молока, когда варишь кашу:

– Ну как можно так всех равнять, скажите? Как? Вы умная и образованная женщина...

И как струи молока, пригорают на плите, оставляя белые следы на кастрюле, так и у меня «пригорали мои принципы».

– Вот увидите, Наталья Леонидовна, – говорила я настойчиво. – Увидите сами, что ошибаетесь, если я сказала: в моей

квартире не будет разбросанных игрушек, то так и будет. Поиграли, тут же убрали. Это железное правило. Ребёнок всегда повторяет за родителями, а я намерена обучать сына убирать за собой с первых дней. Чистота вокруг у нас говорит о чистоте мыслей. Не нужно сравнивать себя и ...меня, мы разные люди, если в свое время вы в чем-то не могли выстроить это с Димой, то не надо думать, что и у меня так будет.

В ответ свекровь не стала спорить, хотя я б на ее месте ответила чего пожестче, но она была на своём месте, она нежно обняла внука и с улыбкой произнесла:

– Я буду очень рада, если так сложится у тебя, буду восхищена ещё больше тобой. Просто хотела предостеречь, что не всё может удастся, детки ведь очень шустрые, да и ты можешь уставать, понимаешь?

Кровь подступала к лицу, потому что я не могла отрицать, что сейчас устаю, как собака, но дома чисто, убрано, все сыты и вымыты.

Мне кажется, мои мысли были так чётко «напечатаны» на лице, что свекровь поняла всё без слов, подошла ко мне, я подняла глаза высоко вверх, чтобы заглянуть в её лицо, и тут почувствовала, как меня сильно прижимают к себе, как маленькую-маленькую, и Паша в это время становится центром наших объятий:

– Благодарю тебя за внука. Благодарю, ты сделала меня Счастливец, Лен. Нам надо только продержаться год до моей пенсии, а потом, как заживем, да, ведь!?

Гулять с ним будем, в цирк ходить, да вы ещё с Митей названивать будете «когда внука домой вернёшь! Хватит с ним водиться и нянчиться!»

И я почувствовала, как мой пыл обмяк, как порох, который положили на мокрые дрова, обмяк настолько, что ему не хочется загораться, доказывая свою правду про уборку, хотя, я точно знаю, так оно и будет с чистотой квартиры и игрушками по местам.

02.11.2013

Уже месяц я работаю, и это греет моё самолюбие, буду честна с собою.

Всего два с половиной месяца я – мама и месяц из этого – работаю, без няни так-то и бабушек: свекровь была у нас всего раз из-за работы, мои родители не могут найти время приехать!

И вот я смогла совместить материнство и карьеру: два раза в неделю я убегая по вечерам к клиентам обсудить детали перевода, пока с сынулей остается Димка.

А в дневные сны сына сию с текстами, или перевожу, держа его дремлющего на руках, или когда Паша качается в люльке. И работа эта, пусть и небольшая, «питает меня», даёт понять что, нет ничего Невозможного, что есть те, кто ищет себе оправдание, типа «как это работать до полутора, вот отдам в сад, и пойду, а сейчас я просто в декрете!»

А я не мама в декрете, я горжусь собой, я – молодая ра-

ботающая мама; и с коликами справилась, и питание (пусть и искусственное) наладила, и соску не даю (то ещё зло), и работу свою делаю в срок!

Ох, хоть книгу про историю успеха пиши. Хи-хи!

15.11.2013

Не помню, чьи это слова (моя мама говорила, что Омара Хайяма, когда их частенько повторяла) – слова ранят сильнее кинжала, и мне кажется, сегодня я была почти убита, вернее растоптана.

Это сродни картинки из интернета в категории «ожидание – реальность».

Мы ехали к моим родителям. Я смотрела на золотистые тополя вдоль дороги, вспоминая, как мы собирали здесь с ними грибы, как однажды, возвращаясь с рыбалки, увидели, прыгающих по полю грациозных косуль. Улыбка расплывалась на моем лице при взгляде на сопящего в автокресле сына.

Мне казалось: вот я приеду покажу им внука, и они поймут, как много потеряли, пропустив его выписку, как много потеряли, не позвонив ни разу за эти почти три месяца, но это всё мне только казалось.

На деле все было, как обычно, будто чудес не бывает: папа сидел в очках перед телевизором, делая вид, что смотрит программу про животных. Рядом с ним лежал очередной детектив, который он по привычке читал параллельно

с просмотром ТВ. Мама орудовала утюгом над постельным бельём, ведь на мятом спать нельзя.

– Мама, привет! А вот и мы! – радостно закричала я, открыв дверь своим ключом.

Из дальнего коридора донёсся звук:

– Проходите, я скоро закончу.

Я шла с особым чувством, будто впервые приехала сюда, как взрослая, шла, гордо подняв голову, и несла на руках сына как высшую награду в своей жизни.

В голове была установка:

«Лена, всё хорошо. Родители тебя любят. Просто любят своей особой любовью, но все же, как червяк, проскальзывали мысли: что вот нельзя было отменить глажку? Знала же, что мы приедем! А вдруг они Диму не любят? А вдруг...», я зашла в (как мама это называла) «постирочный кабинет». В углу на диване в цветочек стояла коробка с маминым вязанием и лежала куча постиранной одежды. Мне кажется: она всегда стояла тут и никогда не становилась меньше.

Мама отставила в сторону утюг, улыбнулась, расцеловала, как Брежнев в свои лучшие времена, меня, Диму и взяла на руки внука: в ее глазах читалась любовь, правда. Я хотела это видеть, а, может, и видела.

Просто эта любовь играла в прятки с ней и всеми нами, любовь боялась вырваться наружу, а почему мне было неясно.

И вот мама пошла к папе со словами: «Андрей, внука тебе

несу! Смотри!», – затем донеслось какое-то шипение, цокание, неразборчивый шёпот, я чувствовала страх и подошла ближе к двери. До меня доносились обрывки фраз папы:

– Фуу, страшный такой. Убери его от меня!

И слова ранили больше кинжала, слёзы моментально появились на глазах, хотя плакала в это время душа.

Я, не успев толком раздеться, начала судорожно собираться обратно, и папа, поняв, что добился желаемого, довольный вышел в коридор. Он потягивался, задирая поднятые и согнутые в локтях руки за своей спиной. Он расплывался в довольной улыбке и, как бы подтверждая ещё больше свои слова, размеренно произносил:

– А что я должен был врать, если он страшный и прыщавый ещё?

Маме было стыдно за отца, это было очевидно, она вся сжалась и начала быстро шептала:

– Ты будто красавец нашёлся, для пацана, знаешь, внешность не самое важное. Как говорится, с лица воду не пить, или как там говорится, а, Лен?

И эти слова мамы ещё сильнее кинжалом кололи меня, она ими будто ещё сильнее убеждала меня, что у меня некрасивый ребёнок.

Я не стала раздеваться, хотя мама очень просила.

Обуваясь, я увидела, как мама протянула Диме пакет со словами «пирожки вам там напекла и на вот купите, не знаю, что надо для внучка», и дала свёрнутую купюру.

Мы поехали домой, я плакала, не видя дорогу, по обочине которой стояли красивые золотистые тополя. Я плакала, пытаюсь понять, как выстроить отношения с родителями и нужно ли это делать, до меня доносился голос Димы, он успокаивал меня, но это не помогало.

Я пыталась понять: папа просто вымещает на мне злость, потому что я третья дочка, а он всегда мечтал о сыне, а тут такая «осечка»?! И всегда я буду громоотводом его плохого настроения, его несбывшейся мечтой, ещё и у сестёр по дочке, а тут я родила сына, и это обострило ещё больше его стереотипы про «бракоделов» и, видать, брак в моем лице.

А, может, ему стыдно за то, что он не был идеальным отцом, пытаюсь при каждом удобном случае уехать на рыбалку.

А, может, он до сих пор не может простить, что это я тогда рассказала маме, что он ...

Мои мысли прервал голос Димы:

– Возьми трубку, тебе папа звонит.

Я взглянула на скомканную тысячу, которую дала нам мама и отрицательно помотала головой.

– Лена, возьми! Я прошу.

Из трубки донеслось:

– Доча, ты ж знаешь меня, я просто так. Я дурак, возвращайся. Это я просто сказанул. Я не знаю, что на меня нашло. Прости!

Его слова не убрали кинжал, который ранит, но я попросила мужа повернуть машину обратно.

Я пила чай с тыквенным пирогом, папа, пожалуй, впервые лет за пять выключил телевизор, пытался отшучиваться невпопад, рассказывал какие-то дебилные анекдоты.

Мама, пытаясь сгладить ситуацию, сидела, крепко держа на руках внука, как бы тоже пытаясь принести извинения, а мне было так все равно, потому что я знала, что сыну жить с нами, и для меня он был «самый красивый».

20.11.2013

Беда пришла, откуда не ждали, у сына полезли зубы... по полной.

У меня слов, честное слово, нет: как так-то, почему так рано?

Нет, я знала, что у детей полезут зубы, но не сразу же четыре в три месяца и с температурой в тридцать девять.

На небесах, видать, все сговорились, показать мне, где раки зимуют.

Но я реально не могу понять: Почему? Почему это всё на меня сыпется: проблемы с кожей (никто до сих пор не дал вразумительного ответа), нехватка молока, плохой ужасный сон, колики, я ж читала, готовилась к материнству, но не представляла, что выйдет так.

И вот мне кажется, что сын проверяет меня на прочность, как в компьютерной игре, где усатый чувак прыгает по препятствиям, только у меня вместо кубиков – книги, знания да рассказы бывалых о материнстве.

И вот каждый день уже три месяца я пытаюсь перепрыгнуть через «кубик жизни», но нога срывается, и я лечу вниз, ударюсь своим «таблом» о новое препятствие!

Ну, что там дальше по плану? А, кто подскажет? Может, сразу ветрянка и прыщи подростковые, хотя нет, прыщей и так хватает: и никакого аллергена кровь не показала!

08.12.2013

Не понимаю, зачем я сижу тут и улыбаюсь, как кукла!

В гости меня пригласила подруга студенчества Юля, года три мы не виделись до этого, и вот она нашла меня через интернет.

Димка узнал и говорит:

– Да езжай, у неё ж дочка – тоже маленькая, суббота к тому же, вы ж неплохо раньше общались, поболтаете на ваши «женские темы», а потом мы с сыном тебя заберём от неё, и по магазинам!

И вот я сижу, прожёвываю барбарис из плова, который она наварила, запиваю сладким чаем, прям брррррр. Ненавижу с сахаром, но молчу, боюсь показаться невежливой!

– А по сексу у вас что? Был уже после родов?! – при этих словах я чуть чай на себя не вылила. – Прям хочет тебя муж после грязи всей, что увидел на партнёрских родах? После фигуры, где груди висят до пупка, да ещё и разного размера, как уши у спаниеля, слышала такой анекдот?

Юля громко рассмеялась, а я опустила взгляд на свой си-

ний свитер, будто пыталась понять висят у меня груди или нет.

– А ты? Ты вообще его после родов хочешь? Я вот своего – нет! Не заслужил, понимаешь?! – допрос или опрос, я не знаю, продолжался.

А я сижу не понимаю, что сказать в ответ, я не знала просто до этой встречи, что секс надо ЗАСЛУЖИТЬ, он как бы у меня просто случается, как ужин или мытьё головы, или это тоже надо как-то заслуживать!

И не дожидаясь моих объяснений, Юля подкладывает мне ещё плова и продолжает, какие ВСЕ МУЖИКИ – КОЗЛЫ, рассказывает всё это, ожидая поддержки и женской солидарности.

А я не понимаю, что сказать, я не знала просто до этой встречи, что все мужики – козлы, но если начну убеждать ее в обратном, то плов она мне засыплет прямо в горло и чаем зальёт!

– Понимаешь, я была беременная, говорю ему, живот трогай, там дочь твоя шевелится, а он не хочет, типа неприятно, жирный живот после крема. А дочка родилась, он ее три месяца на руки даже не брал, говорил, что косточки ей боится сломать своими большими руками, и всё на мне, всё. Прошу его поднять коляску на пятый этаж и слышу о том, что Женщины в войну на заводах работали и не орали об усталости, и ташу я сама и коляску, и дочь, и пакеты из супермаркета, и проклятое пиво, купленное дорогому мужу специально на

ужин... в этом, выходит, моё семейное счастье, – произносит она с болью в голосе, меняя подгузник дочке, постелив пелёнку прямо на пол, потому что места в тесной комнате не хватает, а вторую комнату квартиры, которая досталась Юле ещё студенткой, она сдаёт какой-то девушке.

И вот я сижу на диване с тарелкой в руках, рядом – кипа вещей, что надо переглядить!

– Давай, я встану. Ты чего на пол положила?! – произношу я немного в шоке, но слышу в ответ то, что это она уже по привычке, когда ее муж ест, ему нельзя мешать и тревожить, вот переодевает дочку на пелёнке, которую кладёт на старый ковёр в непонятных пятнах!

– Не о такой жизни я мечтала! – продолжает Юля и лезет в трехлитровую банку с огурцами рукой, которой только что меняла дочке подгузник.

Оп! И этот огурец оказывается в моей тарелке.

– Ты ешь, ешь.

– Спасибо, я, правда, наелась.

– Ты чего? Ещё полтарелки вон осталось, конфетки не попробовала, мало ешь. Ты что на диете? Фигуру хочешь вернуть? У тебя поэтому и молоко рано пропало.

– Нет, я не на диете; давай я поиграю пока с твоей доченькой или книгу читаю, а ты поешь спокойно.

– Так зачем с ней играть? Я ей сейчас телефон дам, она там шарики лопать будет.

– В год? Уже? Ничего себе.

– Да-да, Лен, дети сейчас, знаешь, какие развитые, я уже знаю, какие игры на телефоне она любит, а какие – нет. А как ей мультик «Красавица и чудовище» нравится: ты не представляешь.

– А как ты это поняла?

– Так она его почти час, не отрываясь смотреть может... чего-то там понимает, глаза выпучит, как рыбка, и смотрит... чай давай пей.

И вот я не понимаю, зачем я сижу тут и улыбаюсь, как кукла, улыбаюсь, хотя мне хочется плакать. А ещё хочется быстрее сбежать, я иду в туалет и тайком набираю сообщение мужу, чтоб собирался уже за мной, но позвонил перед этим.

Допивая чай с сахаром и конфеткой, слышу волшебное дребезжание телефона:

– О, Дима звонит, сейчас узнаю, зачем!

От Юли доносится слегка слащаво:

– Как я им восхищаюсь, Лен, прям молодец, один дома с ребёнком, и, выходит, накормить может, и спать уложить, и сам его вот оденет полностью, чтоб сюда приехать за тобой. Скажи, как ты его таким сделала? Требую инструкцию по дрессировке!

Последние слова она произносит с ухмылкой, доедая мой плов.

А я не делала мужа таким, я не знаю, что ответить, я просто не знала до этой встречи, что «мужей надо делать».

У каждого человека, мне кажется, если покопаться куча недостатков, и, вроде, Лев Толстой говорил, что человека порой мы любим не за достоинства, а за недостатки.

И вот я сдуру зачем-то говорю вслух про любовь за недостатки и Толстого.

После этих слов Юля начинает выковыривать застрявший между зубами барбарис и тараторить о том, что, видимо, должна любить мужа за то, что он продал их машину, чтоб вложиться в бизнес, и прогорел, любить мужа за то, что он ей изменил с двоюродной сестрой, когда она пахала за него и себя, отработывая долги...

– Конечно, я ему потом в отместку изменила с его бывшим, так сказать, бизнес-партером, – Юля пафосно выделила «бизнес», мне кажется, чтобы подчеркнуть всю глупость затей мужа. – Изменила, чтоб неповадно было. Но ты, Лен, права, мы любим друг друга, и дочь я хотела очень, и жизнь свою такую люблю, но мечтала вообще о другой!

Я слушаю и молчу, мне реально хочется быстрее сбежать отсюда, от плова, от приторного чая.

– Видимо, именно такие отношения и называют токсичными, – проносится в моей голове, когда я надеваю шапку. – Отношения, в которых ты заслуживаешь секс, боишься потревожить мужа за ужином, не берёшь на руки своего ребёнка, изменяешь, чтобы отомстить.

Я быстро прощаюсь, обещаю прийти ещё, понимая, что вру и вот уже бегу быстрее по лестнице вниз, боясь оступить-

ся на ступенях.

Бегу, будто пытаюсь сбежать от такой жизни, вернее боюсь, что такая жизнь может начаться у меня, бегу, точно зная, Юля права, о ТАКОЙ Жизни Не Мечтают, но почему-то ею живут! Живут, надеясь, что прилетит фея, надрессирует мужа.... Магия, одним словом.

10.12.2013

Второй день не даёт покоя мысль, что людям очень нравятся порой быть жертвами, им нравится, чтоб их жалели, сокрушенно качали головой и вздыхали: «бедняжка, терпения тебе!»

И вот терпят Женщины мужей, которые их бьют, не работают, терпят с мыслями: «куда я сбегу», «а как он без меня».

А по сути, это всего лишь отговорка в нежелании что-то менять в своей жизни, ведь сидеть в луже с грязью порой даже приятно: и лужа тебе уже родная, и солнце грязь пригрело, да ещё и грязь, если верно намазать, так вообще станет лечебной.

Вот и сидят, и жалуется на жизнь, думая, что сами чистенькие, не замечая, что грязь есть и на них.

Мысли от похода к Юле переносятся в детство, когда неподалёку сосед-дебошир «гонял» жену Аню с дочками, и он не работал нигде, изменял, но жена держалась за него, как за стену, видимо, или как за спасательную соломинку, которая, увы и ах, уже сгнила.

И вот однажды после рассказа симпатичной тети Ани, главного бухгалтера в местной строительной фирме, о том, как она с дочками спала на столах в конторе, прямо на папках с документами, а внизу бегали мыши, мама моя спросила:

– А чего терпишь? Уходи!

Но тетя Аня ответила, что уйти, во-первых, некуда, она сирота; во-вторых, без неё муж сопьётся; в-третьих, он ей жизни не даст, будет приходить в новую квартиру и там устраивать скандалы; да к тому же боится, что он повесится.

– Пару раз пытался; я его с петли доставала, – поджав губы, сказала она, а потом подытожила. – Да и кому я нужна с двумя детьми; а он какой-никакой, но Мужик.

И это самое «Мужик» прозвучало, как заключение, и мама с ней согласилась.

А я, девчонка лет двенадцати, стояла и думала, что семья – это и есть «терпеть», а потом решила, что у меня будет другая семья. Семья, как в сериале бразильском, который мы с мамой смотрим, где все красивые целуются, спят в обнимку на белых кроватях, а не на столах, и под ногами не бегают мыши.

И я еле сдерживалась, смотрела, как мама и тетя Аня пьют чай, а мне хотелось сказать о том, что Лео подарил цветы и кольцо Сандре, и это любовь!

Потом я высказала свои, как я считала умные мысли маме, на что она начала приводить иные примеры и доводы.

– Ленка, каждый мужик тот ещё крокодил, потом поймёшь, – мне кажется, или я как раз это от Юли на днях и слышала.

И в заключении мама тяжело вздохнула, сказав мне грустно:

– Неизвестно за какого козла ещё ты сама выйдешь замуж и детей от него родишь, а семью кормить надо будет, поэтому учись хорошо и получай образование, чтоб потом и себя, и детей обеспечить.

А мне безумно не хотелось замуж за козла, не так я видела семейную жизнь... я хотела прижиматься к мужу, как Сандра к Лео, и «таять в его объятиях, как мороженое на солнце.

И вот, став взрослой тёткой, я, по сути, не поменяла своё мнение о том, что такое семейная жизнь, выходит, со мной что-то не так?!

18.12.2013

Меня прям начинают, пожалуй, впервые раздражать песни, радостные лица и суета вокруг.

Идёт во всю подготовка к Новому Году, а у меня нет праздничного настроения от слова «вообще». И вдруг отсутствие новогоднего настроения – это и есть мое новогоднее настроение.

А потом я вижу улыбающуюся мордашку сына, и его гордо торчащие четыре зуба, и понимаю, что мое новогоднее настроение «затаилось», не до конца понимая, новое проис-

ходящее.

Ещё голову не покидает мысль, светит ли мне в этом декабре одной вырваться в торговые центры или нет.

Вспоминаю, как раньше я любила бродить между магазинов, слушая уже привычные праздничные напевы, пить глинтвейн или какао и ждать, что Дед Мороз принесёт мне подарок. Кажется, что это было в прошлой жизни.

А в этом декабре всё выходит иначе: мы не успели поставить елку, потому что у Димы много работы навалилось, а без елки праздник какой-то ненастоящий что ли, а потом вижу, как Паша пытается, ей-богу, пытается меня поцеловать в ответ, и приходит осознание, что он дарит мне своим присутствием праздник уже четыре месяца.

Проходят мгновения, и меня начинает снова угнетать то, что я потихоньку перестаю получать удовольствие от работы, которую любила, очень любила, и вот надо сдать два перевода заказчику до конца месяца, а у меня нет на это ни физических, ни душевных сил, а работать без души, мне кажется, – это преступление.

Покоя не дают зубы сына, ни мне не дают покоя, ни ему, поэтому главное, что я хочу, – это выспаться, и если бы я писала своё желание в письме Деду Морозу, то там бы было крупно написано «в 2014 подари мне «ВЫСПАТЬСЯ»».

30.12.2013

У меня хороший муж. Объективно, он прям то, что назы-

вают СТЕНА, и я почувствовала это как-то сразу с самого начала наших отношений, но сейчас часто мой мозг будто живет отдельной жизнью от сердца, интуиции, от всего.

Я беззвучно плачу после ссоры, подняв голову вверх и вижу: вот я стою, мокрая в полотенце на голове, и быстро наношу тушь на ресницы, тихонько напевая в предвкушении свидания с парнем, красивее которого, мне казалось, я не видела прежде.

Глаз падает то на выглаженное сиреневое платье с запахом, лежащее на старенькой стиральной машине, то на темно-синюю краску, которой окрашены стены в ванной. Местами она топорщится, треснув со временем, и создаёт причудливые узоры.

Я смотрю то одним, то другим глазом в небольшое зеркальце от старой пудры, которое на скотч прилепила к стене, должен был прийти Дима вот-вот, и нас ждало свидание.

– Еще мазок блеском для губ, и я готова, – проносится в голове, когда я слышу резкий хлопок, и вода мощной струей бьет мне прямо в лицо, будто я попала под гейзер. Изо всех сил тянусь к крану, отклонив волосы вбок, чтоб понять, почему столько воды, снимаю с себя полотенце и наматываю на трубу, но лужа на полу продолжает разрастаться, вылетаю в коридор в поиске телефона, нигде нет, возвращаюсь обратно, полотенце упало, накручиваю его обратно, сверху завязав узлом уже мокрым платьем для свидания, выбегаю снова, нахожу телефон, понимая, что не знаю, куда звонить, на-

бираю хозяину квартиры, он что-то бурчит с матами в ответ, а я вижу, что вода уже сочится в коридор.

В это время раздаётся звонок в дверь. Это Дима, точно он, а я стою голая, мокрая, волосы, как мочалка.

Снова звонок, быстро хватаю шарф, маленький, он не закроет ничего. Прикрываюсь серой ветровкой, открываю и вижу нежный букет ландышей.

При виде меня улыбка сходит с лица Димы, он осторожно отодвигает меня в бок, обращает внимание на лужу:

– Где перекрываются краны в квартиру? Лена, где?

Я пожимаю плечами, а он быстро сбрасывает ботинки, снимает носки и бежит в ванную, я стою, прижавшись к стене, потому что куртка прикрывает меня только спереди.

– Я не смотрю на тебя, Лен, пробегай и одевайся, – Дима выходит из ванной, его штаны и рубашка мокрые, пусть и не насквозь.

Я смотрю в потолок в слезах и вижу, как проходило наше первое свидание тогда, через три дня после знакомства, зажимаюсь, чтоб снова прочувствовать, насколько СТЕНА он, мой Димка, а сейчас вот часто срываюсь на крик, понимая при этом, что он и не виноват.

– Лена, подскажи, а где инструменты лежат!? – спрашивает он с деловым видом, хотя, сейчас через годы, понимаю, какими молодыми мы были. – Просто я перекрыл не до конца, краны – старые, вода продолжает бежать, пусть и несильно.

– Не знаю, может, в кладовке у входа, я тут живу всего второй месяц, – отвечаю я, понимаю, что чувствую себя под защитой.

И тогда этим своим первым делом в наших отношениях он показал свой главный принцип по жизни: «О человеке судят по поступкам!»

Он нашёл инструменты, начал крутить быстрее всё, засучив рукава сиреновой рубашки, цветом почти точь-в-точь, как платье на свидание, поворачивался ко мне с улыбкой, будто улыбался всей душой. Я, стоя у двери в мятой пижаме, смотрела на него и понимала: «с таким я точно буду за каменной СТЕНОЙ!», но сейчас часто срываюсь, кричу, будто хочу своей КУВАЛДОЙ пробить в этой стене дыру.

Кричу на него и понимаю, что просто вымещаю так вселенскую усталость, обвиняю его в том, что он уходит из дома в девять утра, а приходит в восемь вечера, а значит отдыхает без сына, хотя он уходит ра-бо-тать.

В моих глазах стоят опять слёзы, как страх испортить то, что есть между нами.

– Слушай, на комедию мы не успеваем, но если ты быстро переоденешься, пока я вытираю пол, а потом мы заскочим ко мне, чтоб я тоже оделся в сухое, то можем успеть на триллер, – произносит Дима, и я уже готова ответить, что готова, готова с ним идти хоть куда, как раздаётся звонок в дверь. Прибежал хозяин квартиры, мужик лет пятидесяти, лысый, в спортивном костюме и кепке. И вот он кричит, что я раз-

вела притон, вода мужиков, хотя обещала жить одна, что буду оплачивать сама ремонт, Дима переводит глаза с меня на этого «колобка» и произносит:

– Покажите договор аренды, пожалуйста, я посмотрю, как юрист, я работаю при суде быстро пойму нюансы.

Я и «колобок» стоим в оцепенении, не понимая, что происходит, а Дима продолжает говорить о том, что бывает за незаконную сдачу жилья, поворачивается ко мне со словами:

– Собирай вещи, поехали.

Я машинально складываю в небольшую спортивную сумку джинсы, свитер, две футболки, бегу в ванную за мокрым платьем, понимая, что мне некуда идти, но почему-то я собираю вещи, пока Дима на кухне разговаривает с хозяином.

И вот я стою с сумкой в руках и рюкзаком, мои волосы мокрые, на щеках – размазанная тушь.

– Давай жить вместе, – говорит мне тихо Дима, обуваясь. – С мужиком я всё обсудил, заплатил за следующий месяц аренду, у него нет к тебе претензий.

Затем он обернулся и крикнул громко в сторону кухни:

– Леонид, мы ведь всё обсудили? У нас с Еленой нет претензий, у вас ведь тоже?

Мы спускались вместе по лестнице, и тогда я ещё не знала, что он соврал про юриста, что он заплатил огромную для себя сумму этому самому Леониду. Всё это я не знала, но тогда интуиция меня не подвела, и мы стали жить вместе без свиданий, будто всегда и были вдвоём.

А сейчас я кричу и не знаю, как остановиться, как замолчать, хочется порой прям руками закрыть свой рот, чтобы Невозможно было проронить ни звука.

Кричу на Диму, обвиняя, что он ночью спит, а делаю переводы, хотя сама хотела, очень хотела начать побыстрее работать, кричу, понимая, что несу полную околесицу, но продолжаю нести.

А Дима терпит, смотрит на меня понимающе, молча делает своё дело, как тогда, когда я стояла у двери ванной в воде, смеясь невпопад, и говоря:

– Так ты сантехник что ли? Получается мы пять часов вчера болтали по телефону, а Дима просто скручивал части трубы, наматывая кусок старого найденного бинта или марли, так и сейчас он «скручивает детали» наших отношений, чтоб мне стало удобно.

Я встала с пола, заглянула в комнату, на расправленном диване сопел Димка, держа в руках пустую бутылку из-под смеси, а у него под боком, раскинув руки крестом, сопел наш сын.

Однозначно, надо мириться, надо. А ещё надо не бояться признать, что вся моя сущность сейчас – это Кувалда, кувалда усталости, которая не должна пробить стену любви!

Надо мириться, Завтра Новый год! Первый наш Новый год втроём!

01.01.2014

Новый год случился! Не без моих истерик, но случился.

И это был первый Новый Год, наверное, лет за пять, который мы отпраздновали дома. Было душевно, несмотря на мои женские «выкрутасы».

Под бой курантов, аж вспомнилась прям шутка, что настоящая женщина может сделать из ничего три вещи: салат, шляпку и скандал... так вот хорошо, что я была хотя бы в новый год без шляпы, но с двумя остальными составляющими.

Сначала я негодовала и пыхла похлеще паровоза, что «Цезарь» не получится, потому что Дима отказался ехать в одиннадцать тридцатого декабря в большой гипермаркет, сказав, что все купит в магазинах по соседству.

Я шептала, злобно выглядывая из-за сиреневой шторы в ванной:

– Выходит, ты предлагаешь мне делать «Цезарь» с сыром Советский?! Верно? Может, ещё все майонезом сверху зальём вместо соуса?!

На что Дима стойко был СТЕНОЙ:

– Лисенок, с тобой я готов просто отпраздновать Новый год хлебом, запивая чаем без сахара.

Но меня, Лену Полякову, которая в то время была в роли КУВАЛДЫ, раздражало спокойствие мужа, я была готова крушить любые крепости и стены во имя чести французского сыра, прав Аргентинских пингвинов и единения африканских племён, поэтому выглядывала из-за шторы со словами:

– Хлеба, кстати, может тоже в магазине не быть! Будем чай пить. И дверь не закрывай в ванную, я слежу, чтоб сынок не проснулся.

– Лисенок, ну я ж приехал домой, мойся спокойно, я успокою, если закричит, – шептал Дима, трогая меня за живот через шторку.

– Успокоишь так же, как сыр купил с голубой плесенью, – я повернулась спиной и стала демонстративно намыливать голову.

– Лен, не начинай, я тоже устал, – Дима вышел, а я так хотела продолжить баталию про не купленный сыр.

– Дверь закрой, мне дует, – крикнула я негромко, снова выглядывая из-за шторки.

Дима вернулся со словами:

– Ты ж просила не закрывать или я что-то путаю?

– Сыр, главное, завтра не спутай! – я вылезла из ванной, чувствуя себя победителем в споре, ведь Дима сдался почти без боя.

До утра он молчал, а потом, как и полагается проигравшему, безропотно оделся и покинул «поле боя», ну как «покинул», пошёл гулять с Пашей, да и как «сдался без боя», вот сейчас спустя два дня я понимаю, что он просто принял тактически верный ход отступления.

А потом я «отошла» от своего состояния, вернее вернулась в себя, добрую и нежную, в тринадцать ноль-ноль тридцать первого декабря две тысячи тринадцатого года. Ото-

шла, когда нажала «отправить» в письме с переводом.

Именно в этот момент моя «внутренняя кувалда» начала уменьшаться до уровня строительного деревянного молота, я набирала мужу, а он не брал трубку, отвечая сообщением «у нас с Пашей важные секретные дела».

И вот моя «кувалда» сдувалась до опасности резинового детского молоточка, при нажатии на который возникают сильные китайские звуки, и ты думаешь: «да будь проклят тот самый хрен, который подарил нам этот чертов молоток».

Я читала новое сообщение от мужа «хватит нам звонить, мы заняты», улыбалась и понимала, что порой Дима так и думает про меня— Ленка как китайский резиновый писклявый молоток, проверяющий уровень терпения, а потом, наверное, муж вспоминает, что меня ему не дарили, сам выбрал такую.

А где-то через час раздался звонок в дверь, хотя ключи пацаны, уходя, взяли с собой. Я открыла и первое, что увидела: елку, настоящую всю в снегу, обычно мы ставим искусственную, а тут стоит это пахнущее новогодними чудесами чудо, мы помирились, начав целоваться прямо на пороге.

И, уже разбирая сумки, я слушала, как Дима с сыном на коляске объездили все магазины кругом, и нашли и Пармезан, и сыр с плесенью, и елку, и мое любимое шампанское, поэтому вчера впервые за год с небольшим выпила немного.

Мы сидели, обнявшись на кухне, ели «Цезарь», рядом с нашими фужерами стояла готовая бутылка смеси на случай

«если сын проснётся, а уже готово всё!». И эта бутылка была будто символ новой жизни, начавшиеся для нас не так давно, символ жизни, в которой я научусь жить без инструкций, порой «включая» только сердце.

Мы прижимались друг к другу, пожалуй, впервые настолько сильно и нежно, впервые, как стали родителями, целовались, делились впечатлениями от подарков.

И оба сошлись на том, что уходящий год выдался нервным, счастливым, но нервным, а затем Дима признался, что хочет уволиться с работы, на которой достиг, как мне кажется, хороших результатов, уволиться, чтоб открыть своё дело.

Я сидела, рассматривая, как поднимаются пузырьки в игристом, и не могла поверить, что он не шутит:

– Лен, кто не рискует, тот не пьёт шампанское. Я хочу дать вам с Пашей большего.

Я отпила глоток, обдумывая его слова, и в то самое время Дима предложил мне взять отпуск от работы:

– Енот, умом, я, наверное, понимаю, что ты прав, но это с одной стороны.

Я начала икать, будто в меня вселился бес, чем вызывала хохот мужа:

– Перестань, я не опьянела, дай закончу ...ик ...мысль ...ик

– Я весь во внимании! – и снова шли смешки от Димки.

– В общем, я понимаю усомниться, что не справляюсь,

ну не вывожу, как кобыла, знаешь, раньше в гортопах¹ были лошади ...ик.

– Так! Елене Андреевне больше не наливать, она ушла в себя.

– Хватит меня перебивать, Дим! Ну, пожалуйста, —я призывно взглянула на мужа. – Так вот, раньше в гортопо работали лошади, на которых вывозили уголь. И вот, с одной стороны, я понимаю, что не вывожу... ик ...свалившиеся на меня новый образ жизни и работу, вместе я это «не тяну», но, с другой стороны, так не хочу быть просто мамашей в декрете, которая пучит глаза, как ёрш, чтоб не уснуть и бубнит себе под нос детские стишки как молитву.

Дима обнял меня, понимая, с одной стороны, что я не оценю сейчас его шутки, а, с другой, алкоголь «ударил» в голову:

– Решение, безусловно, за тобой, Лен. Нас ждёт год перемен, верю в это! А тебя я люблю в любом обликии, даже ершом, причитающим бред!

12.01.2014

Какой-то неизвестный город. Где я? Почему одна? Немного страшно, но дух захватывает от красоты, лианы с ярко-алыми неизвестными мне цветами окутывают статую Будды... и чья-то маленькая ручка протягивает мне банан.

Ой, это обезьянка, таких карликовых я прежде не видела.

---

¹ Гортоп – сокращение от городской топливный пункт (склад). Место заготовления, хранения и распределения топлива для домашних печей, кочегарок и котельных: хранилища угля, дров, торфобрикетов и т.д. Данное словообразование характерно для уклада первой половины 20-го века.

Просто прелесть! Похожа на игривый комок нежности. Куда? Куда? Ты скачешь? Дай я тебя поглажу или ты дразнишь меня, козявочка мохнатая?

Протягиваешь мне какой-то бурый банан, будто играя в «кошки-мышки», ну и кто кого обхитрит, а?!

– Кричишь? Чего ты кричишь не пойму?

– Ааааааааа... Аааааааа... что это!? Ты где? обезьянка?

Шире открываю глаза и вижу потолок, тусклый свет в коридоре, это был сон, красивый сон, я также дома, вот на диване рядом свернулся, как малыш, Дима, надо быстрее встать, чтоб Паша не успел его разбудить.

Как хочется спать, пойду на ощупь, не открывая глаз, может, так будет легче.

– Тише, тише, я уже бегу, всё намешала, несу тебе смесь, чего так кричишь, роднуня?! – шепчу, я, подбегая к кровати.

В голове путаются мысли: «Как бы прислонить бутылку к стенке кровати так, чтоб она стояла и попадала прямо в рот, и я б не держала, а пошла спать... а если под бутылку подложить пелёнку, как подставку... нет, выпадывает, а если ее свернуть валиком? О, вот так сделаю! Конец, значит, зажала, в рот хорошо попадает, ничего мимо не льётся. Вообще ловко вышло! Какая я молодец, сяду на пол подождать, пока ест!»

– Ну и зачем мне кожура?! – спрашиваю обезьянку, будто она даст логичный ответ, а она хитро улыбается, показывая,

что умнее меня, что не я задаю тут правила игры, а она, потому что это я «пришла» в этот новый город, а она тут уже давно была...она живет по законам природы и инстинктов, а я – по законам стереотипов и книг! – Дай, дай же мне банан! Не хочешь!?

А вот я сама лезу по лиане, я знаю, что во мне много силы, надо просто подтянуться руками вверх...ещё чуток, ну же, кто-то протяжно кричит.

Опять темнеет перед глазами!

Какие-то странные сегодня сны.

Паша, наверное, доел уже:

– Блиин. Всё пролилось; надо менять простыни, – я аж топаю слегка ногой от злости на саму себя. – Черт, черт, черт!

Зачем я села на пол, а? Я ж знала, понимала, что сразу снова засну. Я все время хочу спать, мне даже снятся сны, в которых я говорю, что «хочу спать».

Я трогаю рукою мокрые бортики-подушки, и спрашиваю сама себя:

– И что теперь? Будить Пашу? Переносить? Полностью застилать постель, на которую вылилась точно половина, и если судить по тому, что она холодная, то уже минут 30 прошло, вот сын и барахтается.

Затем возникает мысль: «А если просто сверху положить толстое одеяло, прям на всё это мокро-мерзко-липкое».

Точно! Решение есть всегда! Вообще ловко вышло, какая я молодец!

И я иду к своей кровати, говоря мысленно самой себе:

– Не хочешь убирать мокрые простыни ошибок? – перекрой их чем-то посущественней. Хи-хи! По-моему, смешно или нет? Прямо выходит, как философия материнства... или лени от Лены, кто тут разберёт.

31.01.2014

Я вызвала скорую! В два ночи! Впервые в жизни! И она приехала очень быстро, минут за пятнадцать, но это время мне казалось вечностью, пока я с горячим, как только что испечённый хлеб, сыном ходила по комнате кругами, а у него не было сил даже плакать. Я убирала на мгновения свои руки, которые «обжигало», гладила Пашу влажным полотенцем, чтоб хоть как-то привести в чувство.

Я носила его по комнате, а он смотрел в потолок с широко открытыми глазами, раскинув руки, на мгновение в моей голове пронеслось откуда-то появившиеся страшное сравнение: сын напоминал мне распятого Иисуса Христа, страдающего за грехи. Мне стало не по себе, я начала ругать себя за такие мысли, и по телу прошла дрожь.

Скорая приехала через пятнадцать минут после того, как я редела в трубку:

– Сыну пять месяцев, и у него по лицу пошли судороги. Что мне делать? Он умирает?

И вот два фельдшера с оранжевым чемоданом быстро зашли в квартиру, на их лицах читалось желание помочь.

Они быстро прошли в комнату, и уже слушают, что с вечера у Паши резко подскочила температура:

– Сначала меня это не особо напрягло, если честно, у него и в ноябре лезли зубы с жаром, насморком и поносом, – говорила я, пытаясь засунуть сыну подмышку градусник. – И тут тоже я увидела красные дёсна, дала сироп от температуры, и как-то внутренне успокоилась.

Женщина в синей куртке внимательно слушала, вторая – записывала что-то с моих слов, я не стала говорить им, что просто весь вечер носила Пашу по комнате, приговаривая, что люблю, что понимаю его боль, что все будет хорошо...

– Но затем я увидела судороги, увидела и обомлела, начала звонить вам, – еле сдерживая слезы, закончила я.

Фельдшер стала осматривать сына:

– Это зубы, вы правы. Четыре зуба, четыре хороших зуба, редко бывает, чтоб так много было в таком возрасте, да такая симптоматика к тому же, ещё и тридцать девять и семь, сейчас укол поставим, утром должны прийти с поликлиники.

– Тише, тише, Пашунь, я рядом, я с тобой. Я тебя люблю, – шепчу я вновь дремлющему у меня на руках сыну, после укола скорой ему стало немного полегче. Вроде, легче.

Я смотрю на него, Человеку полгода стукнет через три недели, а у него уже будет восемь зубов, я точно родила сына, а не акулу.

Он приоткрыл рот, будто услышал мои мысли и решил показать свои зубы.

Осторожно пробую его снять с себя и лечь, я уже сутки без сна, очень хочется спать, но сначала надо позвонить Диме, которые тоже не спит там в своей командировке, ожидая ответа по приезду скорой.

Возвращаюсь в комнату, сын спит на нашем диване, уже не такой горячий, спит.

02.02.2014

Я сидела напротив клиентки, которой должна была сделать перевод завещания на немецкий язык, когда неожиданно услышала вопрос:

– Вы кайфуете от материнства? Слышала вы недавно стали мамой, а у меня сын уже подросток.

И я несмотря на усталость, угрызения совести из-за того, что не удалось грудное вскармливание несмотря на то, что сейчас Пашуня дома с высокой температурой из-за зубов, и я не стала завтракать, а вместо этого выбрала – просто поносить его хныкающего от боли на руках, несмотря на всё это сразу выпалила:

– ДА!

Мне было страшно признаться ей, что я не справляюсь, что всё оказалось сложнее, чем я думала, мне было страшно сказать ей, такой успешной и умиротворенной, что хотя безумно рада быть мамой, рада, что родила сына, что мы с мужем его хотели-желали, но при этом всё я не до конца понимаю, как быть мамой, как кайфовать, когда хочется всё

время спать, как научиться спокойно принимать, что твой ребёнок не может покакать три дня, что твой ребёнок покрыт угрями, и никто не понимает, почему они не проходят, мне хотелось сказать ей всё это, но я выпалила, как пулемёт, максимально бодро:

– ДА, – и улыбнулась, начав рассматривать документы.

Клиентка попивала имбирный чай и, улыбаясь, нежно бормотала:

– Понимаю-понимаю, это же такое счастье! Как тут можно не «кайфовать», я не смогла даже подобрать другого слова, употребив такой молодёжный сленг, но быть мамой – это реально КАЙФ.

Она отставила чашку и закатила восторженно глаза.

Я улыбнулась в ответ немного виновато, будто опасаясь, что она прочла мои мысли и знает правду, мне хотелось перейти к обсуждению темы разговора, а затем бежать домой к моим мужикам, все-таки – воскресенье, и Димка с утра дома, но в это время донеслось:

– Молодой человек, а давайте ещё малиновый чай с мятой, две чайные пары и по эклеру. Мне – сырный, Елена, я позволю себе выбрать и вам на свой вкус, – и не дожидаясь моего ответа, красивая успешная Анастасия в клетчатом платье произнесла. – Два сырных.

Я просматривала глазами завещание, хотя внутри все сжималось от того, что я вру про «кайфование материнством», вру, потому что мне стыдно признаться, что я не

справляюсь.

– Елена, а я вот вам завидую даже, – я подняла взгляд от мелкого плохо пропечатанных местами шрифта, и увидела, как мне наливают чай, желудок протяжно заурчал, он не ел со вчерашнего дня. – Я как представляю, что у вас дома сейчас почти рай и пахнет так вкусно младенцем.

Я в это время вспомнила, что вчера ночью у Паши протек подгузник, пришлось мыть его, стирать постельное, матрас, а резкий вонючий запах стоял уже вторые сутки.

– Помню, как просто ложились на кровать, смотрела на Егорку, и всё, ничего было не надо, мама моя с нами жила первый год. Я ей так и сказала: без тебя не справлюсь. И вот валялись днями с сыном. Я его щекочу, он смеётся, а сейчас не достучаться до него, сидит играет в компьютер, там его мир. – Анастасия тяжело вздохнула, и начала откусывать эклер, протягивая и мне.

– Спасибо, – проронила я, снова опустив взгляд в документ, вспоминая, как смеётся Пашуня, как от его улыбки в горле встаёт комок, как цепко он хватается за меня руками, но я честно не знала, можно ли сказать, что я кайфую сейчас. Скорее, пытаюсь понять, почему другие кайфуют, а я не умею.

10.02.2014

Учусь! Ежедневно учусь! Но всё это Безрезультатно! И от этого мне Горько!

– Чему я учусь?

– Быть собранной, спокойной, а не загнанной, как лисица на охоте, спасаясь от гончих.

Сижу сейчас в очереди к нотариусу для заверения перевода Анастасии и чуть не плачу от осознания, что утром я разбила градусник.

Но скорее всего разбила я не градусник, нечто большее: будто все мои мысли и планы о том, как воспитывать ребёнка, как совмещать Материнство, разбились, как стекло, и рассыпались по полу, как шарики ртути, такие внешне притягательные, но опасные, прям как я и моя жизнь, где мечты – притягательны, а реальность – местами опасна.

Сижу и корю себя за неуклюжесть, за то, что так и осталось мне непонятным это гребаное грудное вскармливание, за колики сына, за его плохой сон, за все...

И, вроде, понимаю, что Дима, как всегда «Лисёнок, я всё улажу», знаю, что он позвонил, узнал, что делать теперь с ртутью, какую службу вызывать, но чувствую себя я загнанной на охоте лисой, которая смогла залезть в нору, а кончик хвоста всю же торчит наружу, и за него цепляются собаки, пытаюсь вытащить и съесть.

17.02.2014

– Смотри! Это бумажка! Смотри внимательно, Паш. Она большая, и я рву! Смотри, и у меня уже две бумажки – я стою сбоку и не вмешиваюсь, тихо улыбаясь. Паше почти шесть

месяцев, к нам сегодня пришла Катюша, моя лучшая подруга.

Я быстро побежала на кухню заваривать чай, оставив их вдвоём, пожалуй, Катя – это единственный человек, к которому я безоговорочно прислушиваюсь в вопросах воспитания Паши, потому что она очень умная, знающая, ее слова невозможно не принимать на тысячи процентов.

– С Пашей пора заняться вплотную развивающими уроками, книжек, которые ты ему читаешь вслух уже с месяца два недостаточно, – написала она мне на днях, и я кивала в экран телефона, будто она меня видит. Кивала, понимая, что пишет это человек знающий.

И сегодня она впервые пришла к нам не как «подруга Катя», а как педагог, пришла не одна, а с разными лентами, ватой, свечкой, коробочками, маленькими фигурками кошек, флешкой с песенками.

– Лен, ты что так долго? – я спешила в комнату с подносом, на котором стоял чайник, лежали сухофрукты, потому что Катя была вегетарианкой, не признающей даже мёд, потому что в одной ложке была жизнь одной пчёлы, поэтому при ней я не доставала не то что шоколадки, но и всё, что могло задеть ее чувства. – Давай быстрее, мы начинаем уже.

Катя включила музыку, и вот мы с Пашей сели, прозвенел звонок, прям как в школе: делали пальчиковую гимнастику, тёрли ладошку о ладошку, дули на ватку, ну как «мы дули»?!

Я дула, Катя утрировано дула, а Паша, мой щекастый хо-

мячок, норовил сосать в это время кусок моего платья, громко пукал, пытался вставить на четвереньки и часто дышать, как Димка, когда пробежит километров десять, но я не сдавалась, вернее мы с Катей не сдавались, я садила Пашу снова себе на колени, и мы с его педагогом хором пели «едет, едет на телеге», Паша в это время начал усиленно грызть мои пальцы, но Катюша успокоила меня:

– Это поведение нормально для его возраста. Не сразу втянулся в занятия, будем с этим работать.

Паша в это время начал усиленно грызть пластиковых кошек, которые Катя пыталась считать, скажет «один», и раз хлопнет в ладоши, скажет «два», и хлопает два...

Сказала «три», и начала хлопать, и тут сынок как рассмеется, видно было, что он втянулся, мне кажется.

А какой восторг был у сына в глазах, когда Катя зажгла свечку и начала утрировано показывать сыну, как на неё дуть.

– А дуть, Лен, – это очень важно, – объясняла она мне, жуя курагу после первого в жизни урока сына. – Дуть – это развитие дыхательных путей необходимых для формирования речи в будущем, да и вообще пора уже с Пашей не только есть гулять, да спать, время ведь летит так, что не успеешь оглянуться.

Я слушала подругу и кивала, мне кажется, что она не может ошибаться. Я смотрела на неё, как заблудившийся путник смотрит глазами на появившейся огонёк вдали, в надежде

де, что там его ждёт спасение.

23.02.2014

Гонка на пределе человеческих возможностей, не иначе: я б так не смогла, но не факт.

Лыжи касаются снега так, будто парят. Я пью чай, жую пирожки с вишней, смотрю Олимпиаду, наши парни просто – герои! На них держится страна!

Я беру второй пирожок, радуясь, что сын спит уже второй час, в такие редкие дни я могу спокойно погладить белье, поработать за ноутбуком, сварить обед, прибираться в квартире, иногда посмотреть телевизор....

И вот сейчас смотрю на экран, переживаю изо всех сил за наших спортсменов, на лице улыбка, будто они это делают ради меня тоже, гордость страны, одним словом.

Беру третий пирожок, сажусь, вижу, что осталась финишная прямая, выскакиваю со стула и решаю досмотреть, уже стоя. – Их имена останутся в истории навеки, а такие, как я канут в лету, уже через лет шестьдесят обо мне и не вспомнят, да? – возникает в голове риторический вопрос. – Или вспомнят мои правнуки? Вернее, если вспомнят, то что?!

Комментатор начинает истошно кричать, что победа уже почти у нас в руках.

Я запиваю свой сытный обед чаем, и продолжаю думать: – И так правнуки вспомнят, что жила-была баба Лена, и всё! Что я сделала великого? Да ничего? Только если пирож-

ки вот эти с вишней, да кому они сдались! Дима – уже три дня в командировке, Паше их не дашь.

Из телевизора в это время доносится гул зрителей: «Вперёд! Вперёд!»

Я смотрю и вижу, как сегодня утром ехала домой с магазина.

Сильный холодный ветер хлещет в лицо, будто дает затрепщины мокрой тряпкой, колёса коляски глубоко вязнут в снегу, прокручиваются и ещё глубже «тонут» – праздник ведь, а тропинки чистить надо только в рабочие дни, в руках моих – большой пакет с едой, пачку подгузников я засунула в ящик над колёсами коляски.

И я иду так домой, вернее, гребу, как танк, гребу, повернув коляску на себя, чтоб Паше было удобно, а сама выгнулась вся, борясь даже не с ветром, а, кажется, с невзгодами материнства.

Но я знаю, я сильнее этого ветра. Одна рука отчаянно толкает коляску с Пашей, как будто мы идём не домой, а в бой, пакет с едой почти волоку по сугробам. Вот виднеется подъезд, будто финишная прямая у наших спортсменов-биатлонистов, осталось лишь выстрелить точно последний раз, чтоб не было штрафного круга, в моем случае надо просто дойти до лифта, и всё... получай награду, в моем случае, поднимайся спокойно на пятый этаж и выдыхай, но осечка, как так-то... осечка, и штрафной круг – лифт сломался, а это значит на себе тащить и коляску с сыном, и тяжёлый пакет,

и подгузники, но сдаваться нельзя.

– По пролётам! Буду поднимать по пролётам, – проносится в голове. – Штрафной круг почти преодолён, но трибуны не скандируют отчего-то: «Лена, вперёд! Давай! Давай!», – и зрителей никаких нет, но я пры. И это, наверное, моя гонка на пределах человеческих возможностей.

А на экране парни, что есть мочи, несутся, мои глаза не успевают следить за их скоростью, лыжи разрезают снег, как я утром коляской сугробы, палки втыкаются и взмывают вверх, как мои руки, несущие коляску от этажа на этаж, один из трёх (чувствуется, весь пьедестал будет наш) берет в руки флаг, как и я, взявшая после очередного падения пачку подгузников подмышку... всё финиш... я открываю дверь! Победа!

И пусть мое имя не впишут в историю страны, но если она останется в памяти моих внуков, то это уже будет Подвиг, моя «личная медаль за жизнь», ведь каждый из нас проживает каждый день свою гонку.

01.03.2014

– Мне кажется, это полная чушь! – до меня доносится голос Димы, и я включаю на всю мощь воду, чтоб заглушить его голос. Нервно мою морковку, всё же ожидая, что муж продолжит разговор, но он молчит, нервно сжал губы и молчит.

Я не выдерживаю первая:

– А ты много книг прочитал по психологии? Прямо в этот разбираешься? Да?

Дима встаёт и подходит ко мне, не близко, а чуть поодаль, будто боится прикоснуться:

– Лен, остановись, пожалуйста, обдумай всё ещё раз. Да, я прочёл про воспитание меньше книг, чем вы с Катей, но я уверен, что это полный бред, – он взял паузу. – И пользы от этого меньше, чем от ...

Я громко отставляю вбок терку, и мелкие кусочки моркови сыпятся на недавно вымытый пол:

– А вот ты увидишь результаты уже через год, увидишь и пожалеешь о своих словах.

Я стою, чищу картофель, и так больно внутри, я пытаюсь быть супермамой, а Дима норовит усомниться в том, что я говорю, в том, что пишут эксперты, в том, что советуют специалисты, он будто пытается проверить их знания «на зуб». Без конца всё взвешивает, оценивает, вот и сейчас опять его скептическое «зачем сыну нужны эти развивающие занятия», если б знала, то не стала бы просить Диму рвать на мелкие кусочки вату для завтрашнего урока, сама б сделала.

– Скажи честно, ты просто не хотел помогать? Верно? – мне хотелось, чтоб муж признался, чтоб сказал правду.

– Нет, Лен, всё не так. Вообще не так, – продолжал он упираться. – Я думаю просто, что больше пользы дать Паше незаметно эту самую вату, и посмотреть, что он станет с ней делать: рвать, грызть, тереть. А эти занятия в семь месяцев

– это, мягко говоря, бред.

Мне осталось почистить последнюю картошку, но я не могла, от услышанного было желание разбить всё вокруг вдребезги, казалось, что муж не слышит меня:

– Я лишь пытаюсь дать ребёнку Лучшее, нашему ребёнку. А что может быть лучше образования, а? – я повернула голову в сторону мужа, который ещё больше отстранился и смотрел на меня, оценивая. – Да, суп можно есть и, если добавить целую огромную картошку с кожурой, просто вари, Дим, подольше, и делов-то, но вкуснее суп будет, когда ты ножичком кожуру срежешь, на брусочки всё нарежешь, так ведь и в жизни...суп супу – рознь.

Дима подошёл ко мне и обнял, я почувствовала, что он понял всё, что я хотела донести, а затем услышала его:

– Где вата, которую надо тебе нарвать? Давай!

03.03.2014

«Давай, ауф видерзеен» – скажу я карьере дружно, или, как говорит мой папа «родила, Лен, сиди спокойно и супы вари! Имеешь на это право!».

Почти полгода приходило это осознание – не могу я работать в полную меру! Не могу! Срываюсь на сына и мужа из-за того, что не успеваю в срок, волнуюсь, что не додаю им, когда вечерами отправляю вдвоём гулять, играть, а сама запираюсь на кухне, даю себе отчёт, что перестала кайфовать от работы, она стала в тягость, ну не могу я «кайфануть»,

когда заводишь будильник на четыре утра, чтоб часа два поработать до начала «мамско-декретного дня», но все же последней каплей стал клиент-мебельщик.

И я ведь отдала ему все документы за два дня до оговорённой даты, а он размахивает перед моим лицом бумагами с таким видом, будто я ему по ошибке под нос подсунула грязный подгузник сына, размахивает и с ухмылкой так снисходительно произносит:

– Видать, Елена Андреевна, материнство вас расслабляет не на шутку, или нет? Мне вот вас посоветовали, как специалиста, а что на деле? Сто тринадцать слов не переведены.

Я смотрю на этого тучного высокого дядьку, от которого пахнет смесью карамели, пыли, сигаретами и слюной; ни разу прежде не чувствовала такого, будто не изо рта воняет, а прям во рту бежит такая мерзко-зловонная река слюней.

Затем я перевожу взгляд на семь листов перевода, выполненного по ночам, выполненного с привычной мне скрупулезностью отличницы и не понимаю, что он имеет в виду.

А он с ещё большей ухмылкой продолжает, рассказывая мне, что посчитал все слова в оригинале на немецком языке и в переводе на русский, и в результате не досчитался ровно ста тринадцати.

Я пытаюсь объяснить сначала с улыбкой, что нельзя сравнивать количество слов в разных языках, что структуры отличаются, что в немецком, например, есть артикли, а глагол в прошедшем времени может состоять из нескольких слов.

Но это вообще не действует, и я слышу в ответ

– Дескать, «недоработочка» вышла, раз артикли не смогли перевести? как поступать будем? Снижать стоимость за перевод? Нет, тут, ЕленАндревна, не в деньгах дело, я могу скидочку сделать, как молодой маме, которая ещё не пришла в рабочую форму. Тут дело в том, что вы оправдываетесь, а не признаёте свой «косячок», так сказать.

Я смотрела на него, и этот тучный высокий дядька на глазах превращался в моем сознании в моего семимесячного сына, который полюбил недавно облизывать обувь, и я, наивная, ему сначала пыталась объяснить, что грязь, заболеть можно, что не надо так делать, а Паша продолжал.

Он взглядом хищника в саванне, выслеживающего жертву, которая пришла на водопой, выслеживал, когда гости или я случайно оставляли ботинки у порога, быстро полз к двери и начинал лизать, потому что на мои доводы ему было всё равно – он хотел лизать и лизал!

Так и этот дядька, он был уверен на тысячу процентов, что Прав, что я горе-переводчик, не умеющий переводить артикли, и своим довольным видом победителя, размахивая передо мной «неДопереводом».

Он улыбался мне довольный своими доводами и напоминал сына, сидящего на пороге с ботинком и улыбающегося грязным ртом победителя в схватке с мамой.

В общем, если Вселенная реально посылает нам знаки, то это как раз знак, знак, что надо побыть просто мамой, а не

всЁмогущей: и мужа накормить, и с сыном поиграть, и мебельщику артикли в зад, ой, то есть в перевод, вставить.

15.03.2014

Я думала, он умрет. Трясла, и сама задышалась, потому что от страха и сама не могла сделать вдох.

Я решила поздравить свою Катюшку с днём рождения, начала витиевато говорить свои пожелания, нарезая круги по нашей уютной однокомнатной квартире, то к шкафу в ванной зайду и посмотрю на себя в зеркало, то в коридоре начинаю рассматривать полки, поправляя статуэтки, замечаю пыль, обдумывая, может, прямо сейчас вытереть, то останавливаюсь и смеюсь сама над своими шуточками про возраст и остеохондроз как подарок.

Паша в это время в новой клетчатой рубашке ползает по комнате, исследуя мир, другими словами, облизывая и рассматриваю всё, абсолютно всё, что попадает на пути: игрушки, мою тапку, журнал, который стащил с дивана.

– Катя, и пусть твоё желание стать самым крутым знатком психологии сбудется! – на этих словах я понимаю, что Паша как-то странно прислонился к своё кровати, широко открыв глаза, не двигается и пытается вздохнуть.

Резко кидаю телефон на пол, подбегаю к нему, в руках Паши – яблоко.

Черт! Он откусил яблоко, которое я положила себе перекусить!

Как? Как ему хватило сил, у него ведь маленький рот, зубки, как сахарочки, еле видны.

И кусок застрял, застрял в горле.

Перед глазами всё темнеет, понимаю, что звонить в скорую нельзя, он уже бледнеет.

Мгновение, и я сижу на полу, Пашу беру на колени, разворачиваю к себе спиной, плотно обхватывающих руками где-то выше талии.

– Черт! Где у него талия? Туда ли я давлю?

Резким движением давлю снизу и сдерживаю плач, чтоб не испугать.

Вспоминаю из учебника по биологии что ли, неважно, что от резкого сдавливания, должен сократиться объем грудной клетки, давлю.

По телу идёт дрожь! Вздохни, пожалуйста. Давлю ещё раз!

А внутри – дикий страх, в книгах по материнству тоже много чего было написано, но на деле так вообще не выходит, вдруг и учебник тот врал.

Давай! Пожалуйста! Давай!

Небольшой кусок яблока вылетает на бежевый плед и ударяется в желтое кольцо пирамидки.

Паша прижимается ко мне, а я реву, реву, как, пожалуй, никогда прежде в жизни не плакала, ведь из-за какой-то мелочи, оставленного яблока могла закончиться жизнь сына. А он смотрит на меня, и ползёт вверх, цепляясь ручками за мое серое платье, ползёт и улыбается, показывая свои краси-

вые восемь зубов, из-за которых уже несколько месяцев нам с ним нет покоя.

16.03.2014

Сiju и заклеиваю скотчем дверки шкафа в прихожей, заводские блокираторы оказались ненадёжны, Паша легко их оторвал с третьей попытки.

Мне немного грустно смотреть, как скотч блестит на тумбе, которую я так тщательно выбирала, заказывала, ждала, фоторамки и статуэтки с неё тоже убраны, потому что Паша уже разбил на той неделе одну, а вчерашний случай заставил провести меня полную ревизию дома на безопасность.

Пусто выглядят нижние полки этажерки, зато на двух верхних, до которых и я достаю, только встав на стул, кучей навалены сувениры из наших с Димой поездок. Они убраны куда-то далеко, как и прежний уклад.

Осматриваю ещё раз кухню, глаз цепляется за потенциальную опасность – острые углы стеклянного стола, накладываю на него ватный диск, сверху «полирую» доброй порцией скотча.

Моя квартира, которую я так любила, будто перестала в одно мгновение быть моей, вроде, остались те же стены, но ушла какая-то кокетливость и лёгкость, как бывает иногда и с женщиной, когда она становится мамой, забрасывая самые красивые наряды и туфли на шпильке подальше.

– Безопасность детей – это основная задача родителей сре-

ди «любить всегда» и «заботиться», – успокаиваю я себя, спотыкаясь об черепашку-каталку сына и иду к нему, уже пытающемуся отковырять стопор от шкафа. Он целует его своими маленькими пальчиками, понимая, что не может открыть дверку именно из-за этой липкой ленты, но не сдаётся, ведь там какие-то бумажки, документы, которые он так любит разбрасывать.

– Пашуня, я тебя люблю. Очень, – я начинаю гладить своего хомячка, пока он трудится над вскрытием.

Я сижу на полу и вспоминаю вчерашний день, дрожь проходит снова по телу, мне становится страшно от того, как часто опасность может быть рядом, как часто нам кажется, что все под контролем, а на самом деле – нет. Полдня потом ещё меня трясло, чай с ромашкой пила, и не могла прийти в себя, вечером аж вскрыла кем-то подаренный мужу коньяк и выпила на кухне стакан, поплакав, от того, что могла не успеть, если б не вернулась в комнату, решив вытереть пыль с полки в коридоре.

– Паша, ты самый крутой! Слышишь? – повторяю я, а он молчит и старается отодрать скотч, молчит, зная, что его точно любят.

17.03.2014

Размешиваю Паше кашу в воде, строго взвесив количество воды по инструкции, чтоб все было правильно, и слышу, как громко урчит мой живот, будто умоляет накормить

и его, прям слышится в этих перезвонах желудка: «Лен, помилуй, дай хоть сухарика кусок».

Я ставлю миску с кашей сыну и начинаю кормить, приговаривая: «Ам-ам, что тебе сейчас я дам». Живот начинает бурлить сильнее, его можно понять, уже второй час дня, а я ещё не успела даже позавтракать, глаз падает на заваренный ещё в девять утра чай, я решаю пуститься в авантюру – протягиваю Паше ложку и говорю: «На, ешь сам!».

А сама быстро разогреваю себе вчерашний суп, наблюдая, как смачно Паша засовывает всю кисть, в которой ложка, в кашу.

Аааа, как прикольно, потом он несёт эту ручку в рот, бросает ложку, начинает размазывать кашу по лицу.

Слышу писк микроволновки, достаю свой тёпленький супчик, а Паша активно машет ложкой, и улыбка до ушей.

Думаю, у моего желудка сейчас тоже улыбка до ушей, прям чувствую, как суп проскальзывает по пищеводу.

Хорошо и мне, и Паше. Сын аж гогочет, смотрит на меня и смеётся, размазывая обед по одежде, снова заносит ложку в рот, и я следую его примеру.

Чувствую, как на мои волосы прилетают куски каши. Весело и мне, и Паше.

Он облизывает ложку, я тоже.

Обед, мне кажется, прошел на «ура», хоть в рот сыну в итоге попало каши совсем чуть-чуть, но зато он сам. Верно же?

20.03.2014

Еле сдерживаю слёзы сквозь смех, жизнь точно покруче комедий.

Причём ничего ж не предвещало такого, когда я резала лук на суп со слезами на глазах, вспоминая, как видео ролик «женщина в противогазе на кухне», и в нем миловидная дамочка в таком облачении советуют делать зажарку, чтоб тушь не потекла. Ох, уж эти блогеры, чудят похлеще шутов.

Занятая этими мыслями, я не сразу сообразила, что уже несколько секунд трясётся от вибраций телефон, слышу шёпот Димы:

– Вези мне срочно штаны!

– Ты где?

– В туалете?

– Что добежать не успел?!

– Очень смешно, Лен. Я в туалете в банке, пошёл по нужде, на выходе наклонился завязать шнурок, и слышу треск, руками проверяю, а там – дырень...

Тут меня прям разрывает от смеха, это ж как в самых тупых примитивных комедиях, разве такое бывает в жизни?

Я громко хохочу в голос, половина лука падает на пол, но это неважно.

Я начинаю вытирать слёзы с глаз, в которых перемешались боль и радость, боль от ядерного лука и радость от того, что муж так развеселил.

Слышу уже слегка раздраженный шёпот:

– Хватит ржать! У меня брюки лопнули, вези мне джинсы!

Срочно!

А я сижу на корточках отковыриваю прилипший от линолеума лук и думаю, что не все так трагично:

– Дим, я знаю, ты умеешь преувеличить размах трагедии, там, поди и не особо видно... повиси, я лук на сковородку кину.

И тут уже муж переходит на зловещий шпионский шёпот, который на фоне шваркавшего на сковороде лука, звучит с особым шармом:

– Лен! Какое «умеешь преувеличивать»?! У меня весь тыл обнажён?! Понимаешь!? А мне сейчас идти кредит просить как?! Голозадому? Типа, я так-то платёжеспособный, но без штанов.

Я держу телефон, зажав между ухом и плечом, помешивая лук, и не могу сдержать новый поток слез от смеха: мой всегда такой правильный Димка, и сидит в кабинке туалета, пряча «голозадый тыл».

– Всё-всё! Твой SuperLen мчит спасать планету! – прыскаю, громко смеясь, что сводит аж живот.

Бегу будить сына, вызываю такси, спускаю в лифте и понимаю, что забыли главное – штаны, сначала кажется, что это провал, но я не намерена сдаваться.

Поднимаюсь быстро обратно, мысленно матерясь, потому что уже пошло платное ожидание.

Пока выбираю наименее мятые джинсы, потому что нет уже времени доставать утюг, Дима звонит и начинает гундеть, что менеджер скоро его вызовет, а он до сих пор без штанов.

Попытка номер два, выхожу с Пашей, мчим на такси, минут пятнадцать, и вот захожу в банк с Пашей на руках. Мы идём быстро, нигде не останавливаемся, будто были здесь не раз, незаметно ищу туалет на втором этаже, открываю дверцу, и тут до меня доходит: «Мне надо в мужской».

Стою перед ним, как перед полем боя.

А что делать-то? Может, через кого передать? Или самой войти?

Делаю лицо «тяпкой», захожу... пусто, врагов нет, преграды пройдены, ищу кабинку с мужем, передаю ему чёрные джинсы.

– Дим, ну всё! Миссия по спасению выполнена, – не упускаю я возможности посмеяться ещё раз. – отныне зовите меня спецагент Полякова.

– Лен, замолчи! Вот прям заткнись. Бесишь, сучка! Я тебе отомщу, – доносится из кабинки. – и сверху на меня падают порванные брюки.

– А как, Дим, мстить будешь?! Наденешь мои штаны, чтоб и их порвать?! Да? – мой неожиданный stand-up прервал мужик, который зашёл в туалет.

И я еле сдержалась, чтоб не дать ему совет: «завязывайте шнурки осторожнее, то штаны лопнут»!

В общем, если б я снимала фильм о сегодняшнем дне, то он бы назывался «голозадый предприниматель: реалии современности», и никак иначе.

03.04.2014

И снова зубы, и снова второй день без сна, и снова второй день я ношу на руках Пашу, который горит от жара и снова раскидывает руки, как распятый Иисус, который страдал за грехи смертных.

Откуда в моей голове опять эти мысли, мы ведь не планируем крестить сына, видимо, от усталости или вспомнилось, как беременная сопровождала по области делегацию святых отцов из Германии. Неважно. Хочется облегчить страдания сына, это важно, а как? Только заботой, хотя голова трещит от его писка, хочется тишины и спать.

– Лен, давай, теперь я буду носить, – сквозь туман слышу голос мужа. На автомате передаю ему хнычущего сына и сажусь на пол, согнув колени и опустив голову на них, словно Аленушка на той знаменитой картине, что сидит на камне у озера.

Слышу какой-то треск, смотрю на натяжной потолок, в котором отражаются огоньки люстры, перегорела одна из лампочек, перевожу взгляд на стену, будильник маячит красными огоньками «три часа семнадцать минут».

В голове мелькает избитая ещё со школьных времен фраза: «счастливые часов не наблюдают», я отвожу взгляд в сто-

рону:

– Но я же счастлива быть мамой? Верно? Только вот не знаю, как научиться жить в этом новом счастье.

Доносится хрюкающий плач сына, Дима крепко прижал его к себе и что-то ему тихо бормочет, нежно целуя в макушку, где ирокезом торчат белёсые волосы. Сын скулит, как маленьких щенков, которому наступили на лапку, ему больно, и нам с мужем больно, очень больно от этого.

Дима предлагает мне лечь на диван, но я ж мать, как я могу оставить сына в таком состоянии, я не должна спать, пока ему плохо, я не могу. Я продолжаю сидеть на полу под горький громкий крик сына, уставившись в одну точку. Что ж так тяжело-то всё даётся в этом запланированном, как идеальное, материнстве.

Дима тормозит меня слегка за плечо:

– Лисенок, я не могу тебя перенести, на мне заснул Паша; перебирайся на диван скорее, спи там. Все хорошо.

Я немного не понимаю, что происходит; меня «вырубило» прямо на полу, сидящей на полу, когда рядом громко кричал от боли сын.

Я перебираюсь на диван, мне надо поспать, а то я сойду с ума.

11.04.2014

– Катя, конечно я не могу успокоиться. Это мой ребёнок и он лижет обувь! Понимаешь, грязную обувь, вчера только

я отвлеклась, накладывая Диме плов... кстати, плов хочешь? Нет? – подруга положительно кивает головой. – Так вот Паша дополз и начал смаковать подошву.

– Лен, он просто познаёт мир, – произносит Катюша с улыбкой и такой внутренней уверенностью, что становится стыдно от того, что у меня возникли какие-то сомнения.

– Я это понимаю, ты говорила, да и я сама читала, что дети всё тащат в рот, что с помощью языка она понимают свойства предмета: его температуру там, шероховатый он или гладкий. Я это умом понимаю, но ..., – от эмоций мои руки начинают нервно чистить грейпфрут.

– Ленусь, ты Главное не волнуйся, это передается Паше, а он и так беспокойно спит. Посмотри на это с другой стороны, – пытается успокоить меня подруга или все-таки психолог, я уже не понимаю.

Оранжевая кожура падает мимо ведра, и не дослушав про какую-то ещё сторону, я начинаю почти кричать:

– Да не могу я с другой стороны, пойми. Он так орал вчера, сидя с чёрным ртом у порога, потому что я у него отобрала Димин ботинок, орал и смотрел на меня, как на врага народа.

Катя встала, подошла к вёдру и начала вместе со мной собирать кожуру, говоря магнетизирующее:

– Во-первых, Лен, сын априори тебя любит, ты для него до года Особый человек. Во-вторых, у него ни поноса нет от этого, ни язв никаких во рту. Это уже плюс. Далее, что

ещё из положительного имеем: в-третьих, подошвой он не подавится, как недавно яблоком.

Я выдыхаю, понимая сколько мудрости в ее словах. В голове проскакивает мысль, что зря Димка ее недолюбливает, нет, ну не так уж, чтоб недолюбливает; он считает, что Катя мешает мне думать, навязывая только своё мнение. Я будто слышу его слова: «Она словно эксперимент на тебе проводит, чтоб кандидатскую написать. Советует и смотрит, а работает ли это в жизни или только в ее теории красиво», – поэтому я неожиданно, уйдя от темы ботинок, произношу:

– Катя, скажи честно, Паше точно соска не нужна была тогда в раннем детстве?! Сейчас-то уже подавно в восемь месяцев – нет, хотя он, засыпая, так отчаянно, другого слова подобрать не могу, сосет и сосет большой палец. Прямо засунет в рот и чмокает.

– Соска нужна реально очень маленькому количеству детей, прямо мизер. Не надо ее совать каждому, а это ведь неверно закладывается у будущих мам. Ты сама вспомни любую книжку, если младенец, то в коляске и с соской во рту. Я, Лен, честно говоря, не понимаю твоё принятие колясок, это ж отсутствие единения с ребёнком, как товар в тележке, ребёнка перевозите, хотя я не в коей мере не критикую, – Катя отставила вбок тарелку, а я про себя отметила, что теперь коляска стала не садовой тачкой, а тележкой, а дети – уже не овощи, а товары. – Плов, кстати, вкусный, спасибо, и барбарис тут к месту. В общем, давай успокоимся, примем

ситуацию с ботинками, и приступим к новому: рисование с Пашей пальчиковыми красками в ванне.

Я наливала нам чай, готовясь к новому этапу в развивающих занятиях с сыном, протягивая чашку Кате, мне хотелось донести до неё то, что она даёт так много:

– Спасибо, спасибо тебе, только ты можешь меня по-настоящему успокоить, ты прям Гуру. Твоему будущему малышу очень повезёт.

12.04.2014

Моя мечта сбылась! Возможно, впервые после рождения сына! Прямо совпали категории ожидания и реальности, ведь как бывает: рисуешь себе в воображении картинку чего-то идеально-красивого, стремишься к ней, идёшь к цели, как к вершине горы, спотыкаешься на маленьких препятствиях и думаешь, что всё... Мечты ты не достигнешь, пора поворачивать обратно к подножию или выбрать, как остальные, путь попроще, и лишь потом, добравшись до самой вершины своей мечты понимаешь, что эти препятствия были не препятствиями, а лишь ступеньками к исполнению задуманного Вселенной.

Именно Так было вчера, мы залезли с Пашей в ванную, и начали рисовать красками. Рисовать, не думая ни о чем, естественно, я следила, чтобы он не тянул ее в рот, но восторг, который был в его глазах передавался и мне, как заряженные частицы тока от него ко мне, от меня – к нему, толь-

ко это были заряды счастья, необыкновенного материнского счастья.

Паша кряхтел и мазал мне на щеки, руки краску, размазывал ее своими пухлыми пальчиками по себе, смотрел на меня, будто спрашивал:

– Что так можно? – и улыбался.

Именно к такому материнству я стремилась, когда ждала сына, мечтала, что мы с ним вместе будем открывать этот новый мир, я буду тонуть в его довольных глаза, пытаюсь дать ему только хорошее, и это сбылось – прямо три в одном: первое рисование красками в ванне в восемь месяцев, настоящее комфортное материнство, раннее развитие ребёнка в естественной среде.

Просто кайф-кайфовый, сегодня вечером перед купанием снова будем рисовать.

19.04.2014

Солнце по-летнему светит через зашторенные бежевые окна, и отдельные его лучи пробиваются в комнату, падая на голубой плед, мы с Пашей сидим на полу и читаем книгу про птиц. Вернее, я читаю, а сын с довольным видом хитрого барсука сосет обложки книг, пытаюсь понять, что ему больше нравится на вкус – картон или просто бумага:

«треск яйца и скорлупы – «дзень»...

Ах, какой волшебный день»!

Стараюсь я читать с интонацией, меняя голос, и так гре-

ет солнышко изнутри, думаю, про такие моменты и говорят, счастье в мелочах. Ведь не надо ничего глобального порой, а просто улыбка твоего ребёнка, как знак: «правильной жизнью живешь, женщина!»

– «Здравств...», Пашуня, папа звонит, погоди, грызи пока книгу, отвечу Папе, – говорю я и начинаю разговор с довольной улыбкой, – да, енот.

– Лёша Кулискин разбился! – слышу в трубке и мне кажется, что это бред, сон, такое ж только в кино бывает... мы позавчера виделись; да, меня раздражили его шуточки и лекции по верному воспитанию детей, но это же Бред, что Всё!

Я закрываю глаза изо всей мочи, пытаюсь проснуться, но слышу из трубки монотонное:

– Они с Аленой поссорились, он прямо в тапках и домашних шортах выскочил на улицу, сел в машину, Алена ему звонила, они продолжили ругаться по телефону, и он влетел в отбойник.

Я слышу дальше растерянный голос мужа, но не могу разобрать слов, в ушах будто какой-то глупый звон.

– Лена, ты меня слышишь, – Дима говорит громче, и слыша мое частое дыхание, продолжает. – Мама Леши только что звонила, чтоб помог с похоронами!

Я сижу на полу, нервно сжимая руками плед, а рядом улыбается свои девять зубов сын, а у них ведь тоже сын... маленький сын... запомнит ли он папу, папу, который его ждал, любил, любил и вот этого самого папы нет.

Вспоминаю нашу последнюю встречу на 8 марта... Лешка тогда Пашуню нашего на левое плечо посадил, Степку их – на правое.

Носил по комнате и приговаривал:

«Я вас потом научу за девчонками правильно ухаживать, цветы им без повода дарить просто потому, что девочки не могут быть счастливы без маленьких радостей».

Сказал и подмигивает нам с Аленой, а она сидит такая Счастливая, светится ярче солнца; знает ведь, что он ради неё горы свернёт.

«О, Боже, Алена моя, Алена, что с тобой сейчас, я не могу даже представить», – по моему горлу спускается комок, и становится тяжело вздохнуть.

Погиб после ссоры, вернее во время ссоры, погиб, не сказав, последнее «люблю», а ведь он очень любил и Аленку, и сынишку, как ждали они его, как он на роды ее сам агитировал, говоря, что именно тогда понял, что за жизнь у него теперь началась, жизнь Добытчика для семьи, пока жена – Домоправительница.

Чувствую, комок в горле разрастается, будто воздушный шарик!

«Стоп, успокойся, Лен, – шепчу я сама себе, и мысленно добавляю. – Да, она же всегда себя будет за это винить, как после этого жить. Как объяснить сыну, что папы больше нет! Что нет того, который по ночам после пар по сопромату работал грузчиком, чтоб заработать на обручальные кольца с

гравировкой, как Алена хотела.

Нет того, кто отказался от стажировки в Дании, чтоб сидеть с тобой, сломавшей ногу, носить на руках в туалет...

Беру в руки книгу, а перед глазами, как в фильме их подержанная «Хонда», разбитая в хлам, красная, как кровь Лешки, ком стоит, но я вижу любопытные глаза сына и продолжаю:

«Здравствуй, папа-петушок! Мне б такой же гребешок», – читаю, и слёзы градом из глаз, надо ценить, ценить и любить, а мы, бабы, порой «пилим» не за что.

Просто выёживаемся: я утром вот высказала своё «капризное фии», что муж кофе в турке мне сварил рановато, он остыл, и сколько вот таких придирок складывается в одну большую, которая может привести к трагедии!

Переворачиваю страницу, Паша лезет мне на колени и ёрзает, пытаюсь усесться поудобнее, тычет в книгу, перед глазами расплываются строки:

«Как же рады мама с папой, что сынок у них родился», я начинаю громко всхлипывать, поворачиваю голову в сторону коридора и вижу Лешку с Аленкой: вот он нагнулся, чтоб надеть ей, беременной, сапоги, застраивает молнию, подняв голову вверх и улыбается так, как не умеют актёры кино, улыбается из самой глубины души.

– Диинииим, – звоню я мужу! – что теперь делать-то? Скажи, я сижу и плачу! Что делать?

И слова мужа, как холодный душ с утра или как голос ра-

зума, я так и не поняла:

«Лен! ЖИТЬ! Надо просто жить! Радоваться каждому моменту и ЖИТЬ»...

Беру в руки книгу, пытаюсь найти тот стишок про цыплёнка, и читаю Паше, собрав все силы, что остались:

«...здравствуй, новый мир вокруг!»

Да, надо жить! Как сложно бы не было!

21.04.2014

Делаю уже третий круг по тропинкам сквера, первый был, пока Паша спал, второй и третий— с ним на руках, на дорожках лежат гнило-коричневые листья, перезимовавшие под снегом, а сквозь них пробивается новая трава.

Я рассказываю Паше, что наступает весна, подношу к деревьям и показываю набухшие почки, наклоняюсь к веткам, чтоб понюхать вместе с ним, как пахнет новая жизнь листа.

Я улыбаюсь сыну, но мысленно я там, рядом с Аленкой, на похоронах. Дима поехал на прощание один, оставить Пашу не с кем: свекровь работает с утра до ночи, а маму свою я даже спрашивать побоялась, зная, что она и на похороны брата не поехала, считая, что надо помнить человека живым, и на выписке внука не была, считая, что потом в суете дней не удалось бы перебрать картофель.

Паша тянет ручками ветку на себя и хватается за едва появившиеся листочки, я пытаюсь разжать его крохотные пальчики, но безуспешно, зелёные ещё липкие, они летят на зем-

лю, так и не успев стать полноценной листвой.

Я пытаюсь усадить сына в коляску, несмотря на его активные возмущения и думаю, что я так и не смогла созвониться с Аленой за эти два дня: она выключила телефон, через маму передала, что пока ни с кем говорить не хочет.

И ее можно понять, вернее, я даже боюсь хоть чуть-чуть понять ее чувства сейчас, боюсь и не хочу представлять, каково это.

Я набираю снова Диме, долгие гудки, снова долгие гудки, уже хочу сбросить вызов, как слышу тихое:

– Лен, ты чего названиваешь? Тут ничего нового за двадцать минут не произошло. Я также на похоронах.

– Я не могу не звонить. Как Алёна? Плачет? Скажи хоть что-то, – понимаю, что последние слова я произнесла, когда муж уже положил трубку.

На выходе из сквера я решаюсь купить чай с сосновыми шишками в память о Лешке, как-то он привёз нам целый мешок шишек, рассказывая, что это голимая польза, и всю зиму мы то и дело с Димкой их щёлкали, а потом материли дарителя, когда голой ногой наступали на острый кусок скорлупы.

Отпивая чай, с этим мыслями и улыбаюсь, будто прощаюсь с Лешкой, с его ироничной ухмылкой, его желанием достичь иногда недостижимого...

Делаю ещё глоток, на дне бумажного стакана остаются лежать две небольшие шишки, запрокидываю голову назад,

чтоб они упали мне в рот:

– Бррррр, вкусно, но горько.

– Прямо, как жизнь!

– Прощай, Лешка!

28.04.2014

Только я смирилась с тем, что Паша пытается облизывать любую обувь, которую ты не успел убрать повыше, так появилась новая напасть— сын как хищник, как Лев в ожидании газели, отслеживает, когда ты выйдешь из кухни, чтобы юрко доползти, открыть дверку шкафа и перевернуть мусорное ведро. Иногда он ползёт сразу с грязным ботинком, пытаясь прорваться через оборону матери.

– Дим, хватит смеяться. Я не встану. Да, так и буду сидеть весь вечер, держа дверку спиной.

– Лен, заклей на скотч, как в коридоре.

– Неудобно, дверца под мойкой в кухне, понимаешь, это крайне неудобно, там ещё и овощи лежат, я устала заклеивать-приклеивать обратно, а блокираторы он отдирает.

В это время я услышала радостное пыхтение, и в дверном проёме кухни появился наш улыбающийся хомяк, готовый бесконечно двигаться.

– Вот видишь, подполз обстановку проверить, – обратилась я к мужу, а затем повернула голову в сторону сына. – Три раза за день достаточно, четвёртый раз я не буду собирать мусор, понял? Понял меня, хитрый жук? Я не сдамся.

И чем шире улыбался мне Пашка, пытаюсь залезть на меня и обниматься, тем нежнее звучали мои угрозы.

Я целовала его, повторяя про себя, как мантру слова: так он исследует мир, надо каждый раз спокойно объяснять ему, что мне и папе это не нравится, что это плохо, и он перестанет. Быстро перестанет. Думаю, сработает!

05.05.2014

– Сынок, прости меня! — сказала я свои мысли вслух и поцеловала Пашу крепко. Никогда не знаешь, где «соломинку себе подстелить», это точно про меня, и то, как тщательно я готовилась к первой беременности.

Откладывала деньги на врача, читала отзывы, выбирала клинику.

Помню, как сидела, поджав ноги под себя, пила сваренный на виноградном соке глинтвейн по фирменному рецепту мужа и в глаза бросилась фраза: «доктор часто ведёт сложные беременности». Она спасла меня и жизнь моему ребёнку, потому что без неё его б не было».

Я закрыла крышку ноутбука, понимая, что надо идти к ней, но надо ли было меня

Спасать, вот в чем вопрос?!

И такие сомнения возникали не раз:

– когда назначили очень много препаратов на первом же приеме;

– когда у меня открылся, токсический гепатит;

– когда после каждого посещения я выходила от доктора с чувством страха, с ощущением, что беременность – это болезнь;

но какая-то внутренняя трусость и понимание – я вообще ничего не смыслю в медицине – останавливали сменить врача.

И первый раз об этой своей трусости я пожалела в конце беременности, когда доктор, отдавая мне документы для роддома, сказала с ухмылкой: «Мой девиз лучше перебздеть, чем недобздеть».

Я стояла тогда в нежно-розовом платье в мелкий цветочек, смотрела на неё, переводила взгляды на стены, на свой живот, и не могла поверить в услышанное, в то, что пока она переСТРАХовалась, я жила в СТРАХе.

Второй раз жалость по поводу своей трусости пришла уже в роддоме, когда напротив бОльшего числа прописных ею лекарств в выписке значилось: «Необоснованное назначении препарата».

И сегодня я пожалела о своей трусости в третий раз. На приеме у дерматолога в частной клинике мы наконец-то до конца поняли причину сильной угревой сыпи у Паши в течение всего этого периода.

Сначала педиатры убеждали меня, что это не угри— это «цветение новорождённых», и волноваться нет смысла, затем, и Катя, и Аленка, и остальные трындели, что все высыпания – это аллергия на то что я ем, потом, когда сын стал

искусственником, начали сетовать, что я не могу верно подобрать смесь. Катя делала при этом ещё упор и в хваленую психосоматику, доказывая, что мое неприятие роли матери – это и есть прыщики у Паши.

Я шла к машине:

– Сынок, прости меня! – повторила я во второй раз, вспоминая одну «бездушную машину», в декабре нас направили в областной кождиспансер.

И дерматолог, сняв очки, резко сказала мне:

– Мамаша, сами подумайте: угри— это внутренний аллерген, пичкаете его чем-то.

– Посмотрите, это дневник питания – я пыталась показать ей тетрадку, которую скрупулезно вела с сентября, записывая в таблички сначала сколько и чего съела сама, какие смеси и в каких пропорциях по часам давала, какими кремами пользовалась.

Но доктор резко обрубила меня, сказав:

– Подгузник не надо снимать, мне не нужен его член.

Тогда я вышла от неё с ужасом, на улице было морозно, но меня трясло ещё сильнее от безразличия и холодности дерматолога, и это отношение было куда жёстче зимней непогоды.

Доктор путём не осмотрела ребёнка, не стала вникать в мою историю, да ещё сказала о половых органах такого крохи, четырёх месяцев – ЧЛЕН.

Я сильнее прижала к себе Пашу, пытаюсь быстрее найти

на стоянке нашу машину.

Надо срочно рассказать, что все высыпания на лице сына сродни угревой сыпи в период полового созревания, слишком много женских гормонов прописывали мне во время беременности, так много, что теперь они «выходят «через сына».

Я крутила головой, как волчок, но не понимала, куда идти, где стоит машина.

Я была растерянна, будто заблудилась в своих страхах или мыслях: так сильно ратую за верное материнство, за хорошее питание, за современный подход к воспитанию, пытаюсь все обдумать-продумать, а тут своей трусостью... тем, что боялась искать другого врача, всем этим... В общем, сложно слова подобрать о том, как я виновата.

В кармане завибрировал телефон, точно, можно же было просто позвонить мужу и узнать, где он припарковался, а не ходить несколько минут тут, как слепой котёнок.

Паша довольно улыбался мне, а мне было стыдно, очень стыдно от того, что я, чего уж скрывать, все эти месяцы стеснялась его внешности.

мы приходили с ним в поликлинику, и я с завистью смотрела на ангельски-чистые лица деток рядом, радовалась, тому какие они красивые, завидовала даже.

Возможно, поэтому меня так обидели тогда слова папы при встрече, будто я была внутренне с ними согласна.

Да, я немного стеснялась все эти месяцы фотографиро-

вать Пашу, думая, что у него со внешностью большие проблемы. О, боже, какая была дура! Как стыдно!

– Сынок, прости меня! – сказала я свои в третий раз и поцеловала его крепко. – Ты самый красивый на свете. Самый. Смотри, папуля нам машет. Ах ты мой любимыш!

20.05.2014

– Ваша жизнь полностью изменится, – доносился голос у меня между ног.

Я робела, не зная, стоит ли отвечать доктору, сидя на гинекологическом кресле, но всё же пыталась рассмотреть через беременный живот макушку собеседника. – Понимаете, всё перевернётся, вы станете замечать то, Мимо чего ходили каждый день, а тут... опа... вот Оно. Вы начнёте видеть, то что не бросалось ранее в глаза, например, есть ли съезд на тротуарах, наличие подъемов для коляски, игровые комнаты при торговых центрах.

Доктор в преддродовой говорила и говорила, глядя мне не в глаза, отчего складывалось впечатление, что она разговаривает не со мной, а только с какой-то определённой частью моего тела.

Тут гинеколог подняла глаза:

– Вот как я сейчас праздную Новый год или день рождения?! – она несколько секунд будто ждала ответа, но я видела ее впервые, поэтому лишь продолжала молчать. – Да никак. С мужем вдвоём посидим с часок и спать идём, чтоб рано

утром, ребёнку кашу варить на завтрак. Нет уже состояния внутреннего праздника, да и желания веселиться нет.

Я слезла с кресла и в тот момент мне хотелось закричать:

– ЗАЧЕМ ВЫ МЕНЯ ПУГАЕТЕ! Мне скоро рожать, а вы тут ещё и про то, что праздников в жизни больше не будет.

И вот спустя год после разговора мой первый день рождения в роли мамы, и Мир я вижу сейчас иначе, мысленно убираю потенциально опасные для сына предметы. Причём делаю это, когда захожу в любое помещение, неважно, со мной ли в это время Паша.

А ещё знаю, как мерзко трясёт коляску на тротуарах с щебёнкой, как застревают колёса в снегу, если его не почистить, знаю, что падать на лёд – больно, но когда падаешь на лёд на тропинке, а сверху летит коляска, то сначала страшно, потому что сын может выпасть и удариться, а потом уже больно, а ещё я знаю, что могу спать сидя на полу, можно заснуть, начав есть суп...

Мир точно изменился, но в этом доктор ошиблась – состояние внутреннего праздника у меня осталось, вернее, стало ещё больше, потому что сейчас я радуюсь жизни не только, как взрослая, но и глазами сына.

Задувая вечером торт, я измазалась кремом, и Паша смеялся так заливисто, что мне было неважно, что отмечаем мы втроём дома. Сходить в ресторан с сыном было бы подвигом, на который я второй раз ещё не готова, а прыгать весь вечер, доставая сына из-под столов, не хотелось.

А когда сын уснул мы с мужем сидели прямо на полу в кухне, налив розовое вино, и болтали о том, что за год жизнь будто перешли на новый уровень: родился сын, я перестала работать, муж открыл своё дело, и мы оба немного робеём перед неизвестностью, но это ведь нормально и не страшно, если внутри тебя всегда есть ощущение внутреннего праздника.

06.06.2014

Я стараюсь избегать детских площадок, потому что мне кажется, что каждый родитель на площадке бесконечно кричит своим детям «нельзя», и это меня раздражает, вернее, как-то внутренне напрягает, потому что сама это слово я стараюсь не использовать. А ещё почти каждая мама или чем-то пытается гордиться:

- А мы... а мы... а мы на горшок ходим с шести месяцев,
- Мы уже сами ложку держим...
- А мы уже машем «пока».

И умом понимаю, что это их дело, но такие разговоры не люблю, а вот Димка мой – даже не знаю.

Последнее время его прямо тянет на прогулках заглянуть на детские площадки, и вот он каждому ребёнку, ей-богу, в рот смотрит, смотрит с целью понять, если у того зубы.

Улыбается, раскручивая тихонько, допустим, карусель с Пашей и ещё парочкой детишек такого же возраста, а сам мне шепчет:

– У нашего зубов больше! А у рыжего вообще нет.

В эти моменты мне хочется притвориться, что мы незнакомы, я начинаю широко улыбаться мужу в ответ и рыжему беззубому, будто боюсь, что нас кто-то услышит.

Одно всегда радовало, что хоть вопросы не задавал:

– А у вашего ребёнка сколько зубов? Ясно-ясно, а у нашего Пашеньки вот одиннадцать, а ему девять месяцев.... Если такая беседа состоялась бы, то в конце, мне кажется, муж показал бы знак победы и закричал бы: «выкусили, выкусили, суки, мы с сыном вас всех тут по зубам сделали».

И вот сегодня одна мама, возьми, и скажи Паше:

– Привет, улыбаешься мне. Ой, какие зубки.

Я мысленно скрестила пальцы, чтоб она не спрашивала ничего больше, но муж такой:

– Да-да, уже одиннадцать, а ещё и года нет, а всё потому, что все люди произошли от обезьян, а мой сын – от акулы.

И давай смеяться, вернее даже ржать, как пегий конь. Девушка шутки не оценила и отошла от нас подальше. Поэтому врут все, что женщины, типа после родов тупеют, умом не блещут, Димка мой тоже вон начал «сдавать позиции».

30.06.2014

Катя сидит у батареи без сил, завернувшись в пёструю фланелевую пелёнку с корабликами и мышами, к ней тесно прижимается Пашуня, но она никак не реагирует на него.

Я кормлю детским йогуртом с ложечки то сына, то Катю-

шу, и внутри рождается что-то материнское по отношению к своей лучшей подруге.

Впервые я вижу её такой слабой и беспомощной, до этого она всегда была будто Надо мной:

– Старше на три года;

– Умнее;

– Опытнее.

Где-то в глубине души я всегда думала, что она во всем Лучше меня, а тут она сидит в детской пелёнке, как полуслепой кАтенок, моя Катюша.

Я протягиваю ложку йогурта Паше, затем ей, она делает небольшой глоток, закрывает глаза, будто собирается с силами бледнеет и просит ещё. Мне жалко ее, как дочку.

– Кать, что вообще плохо? – произношу я, поднимая на руки Пашу, и начиная резать одной рукою овощи на салат, а второй – держа на боку сына, который требует объятий здесь и сейчас.

– Лен, тошнит очень. Рвоты нет. Желания делать что-то тоже нет. Вот тебе и долгожданная беременность, – отвечает она и закатывает глаза. – Лиса, убери перец, меня от его запаха тоже мутит».

Я, не снимая с рук Пашу, быстро прячу все в холодильник, быстро наливаю воду, достаю красочки, бумагу, валики для рисования, усаживаю Пашу за столик в надежде, что он даст нам поболтать.

Катя, не открывая глаз, говорит очень тихо, но слова её

долетают до самой сути происходящего, мне кажется:

– Лен, ты теперь видишь сама, что мамы-погодок по сути не могут до конца дать ребёнку ощущение любви; не может такая мама полноценно жить, радуя себя, а это важно для комфортного материнства.

Разинув рот, я киваю и рисую рядом с сыном.

– Вот сейчас меня тошнит, мне хочется лежать, представь себя на моем месте, а у тебя рядом ещё малыш Паша, с которым надо играть, гулять, кормить... – Катя делает паузу, будто набирается сил продолжить свою мысль. – То есть ты, будь ты на моем месте, жила б всю беременность в ущерб себе или ему: ты начала бы злиться на ребёнка, понимая, что он слишком мал, что он не может осознать всю особенность периода беременности.

Я наливаю воды и протягиваю Кате, она делает глоток и снова закатывает глаза:

– А ещё малыш, который живет в тебе, он бы чувствовал все это напряжение, ему было бы плохо от происходящего.

Я слушаю Катю, пытаюсь «переварить» её мудрые слова, как в это время Катя пытается «переварить» детский йогурт сына.

Наверное, она права. Не зря же доктора рекомендуют рожать детей с разницей хотя бы в два года. У Паши, например, до сих пор не установился не то что дневной, но и ночной сон: мы с Димой по очереди подсакиваем к нему по пять – шесть раз за ночь, а ещё он почти не сидит в коляске на про-

гулках, и только-только начинает ходить, поэтому я много ношу его на руках, а могла бы я носить его, если была бы беременной?! Конечно же нет. Ведь это прямая угроза беременности. И, выходит, он сидел и плакал бы в коляске, понимая, что мама не хочет его брать.

Я перевожу взгляд на Пашу, который рисует, но больше – смачно ест краску ярко- синего цвета, затем смотрю на серо-зелёный цвет лица Кати, и понимаю, что решение быть мамой-погодок Очень странное, когда его принимает женщина. Начинаю оттирать полотенцем язык Паше, а в голове все носится:

Что движет женщиной? Неужели она не понимает, что этим может нанести вред своему здоровью или здоровью будущего малыша, если будет со своим маленьким ребёнком вести прежний образ жизни, или сделает выбор в пользу второго ещё не рожденного ребёнка, если решит изменить образ жизни, не прислушиваясь к потребностям своего уже существующего ребёнка: вместе играть-бегать-прыгать-гулять.

Язык сына наконец-то становится розового цвета и произношу:

– Я с тобой согласна, Катюша. Беременность должна быть в радость, женщина должна достаточно высыпаться, отдыхать, с маленьким ребёнком это невозможно. Ты, как всегда верно, всё сказала. Я буду рисовать с Пашей сливы, а ты иди и отдохни у нас на диване.

Сказав это, я придвинула стул к Пашиному столику, а Ка-

тя еле-еле, как тень, медленно переваливаясь из стороны в сторону, поковыляла в сторону комнаты.

12.07.2014

Я вытирала пыль в ожидании свекрови, нет не потому, что она была придирчива к чистоте, а потому, что мне всегда кажется перед любыми гостями, что в доме недостаточно убрано.

Да, какое там «перед гостями», я перед возвращением Димы с работы и то быстро поправляю подушки, убираю со стола кружки, вот она, сила привычки.

Я приподняла изящную фарфоровую статуэтку балерины, которую в прыжке держал партнёр, подарок Димы, привезенный, вроде, с Питера, и остро ощутила, что очень тогда скучала, боялась, что он не вернётся, и наша с ним история любви закончится.

Сколько себя помню, лет с тринадцати, мечтала о таких чувствах, чтобы всё внутри натягивалось, как струна гитары, чтобы при взгляде на любимого спирало дыхание, как при быстром беге, а сердце начинало стучать неистово.

Я искренне ждала любовь и боялась, что описанное в романах и книгах – выдумка, поэтому когда почувствовала внутри натяжение «струн сердца» к Диме, то был страх, что это не любовь, а лишь желание любить.

С полками в коридоре было «покончено», и хныканье Паши дало знать, что он захотел на ручки, да и я была не про-

тив.

Вместе мы прыснули в зеркало из пульверизатора, струйки пены побежали быстро вниз, как будто море оставляет след пены на песке.

Я корчила гримасы с Пашей в зеркале, а в голове крутились мысли про любовь.

«Огня» тогда в мой подростковый страх подливали рассказы мамы. Она открыто признавалась, что любви так и не испытала, что вышла замуж за папу, потому что «все подружки уже с колясками, а я – нет». И на этом тему отношений между мужчиной и женщиной мы с мамой закрыли. Меня особенно подростком распирало любопытство, хотелось подробностей их ухаживаний, но нет.

В домофон позвонили, я ещё раз глянула в зеркало, оно блестело. В квартире было чисто, уф, успела.

Открывая дверь, я гадала, во что на этот раз будет одета свекровь, пожалуй, в облегающем платье.

Вот шум открывающегося лифта, стук каблучков, и вот она такая изящная, как лебедь, утончённая, в чёрном комбинезоне в горох, красных босоножках, я смотрю и глаз не могу отвести.

– Паш, смотри, какая у тебя бабуля красивая, – улыбаюсь я, стоя в растянутой майке и шортах. – Здравствуйте, Наталья Леонидовна, ого какой у вас вырез на спине. О-ля-ля.

Она улыбается, а я думаю, что больше лет сорока пяти бы ей никогда не дала.

– Давай без отчества, раз уж я сегодня «о-ля-ля». Держи, вот вам радости, Лен, – мне протягивают пакет с фруктами, бумажные пакеты с одеждой внуку и глянецовый журнал. – А это прям тебе, чтоб отвлечься от чего-то умного.

Я смотрю на свекровь и взгляд падает на статуэтку балерины, в голове пробегает мысль, что вон она, такая же эффектная, но почему ей не хотелось домашнего уюта и счастья каждый день, а не кочевыми набегам, украдкой, порой прячась от людей.

Всё, что я до этого знала про отца Димы было его имя, что он был старше Натальи и несвободен, да брошенная свекровью фраза, когда мы сообщили о моей беременности:

– Если бы в годы моей молодости рядом была такая семья, которую вы образовали с Димой, то я, может, не поверила бы, своей тетки, которая меня воспитывала, приговаривая: «Лучше быть любимой любовницей, чем женой, которую бьют», – и тогда, возможно, нашла бы я, своего человека, а не жила стереотипами. А, может, бы и не нашла.

Наталья терлась кончиком носа о носик Паши, а затем крепко прижала к себе, не особо обращая внимания на то; как он втирает ей в волосы спелый абрикос.

– Я тоже по тебе соскучилась, – нежно поцеловала она в макушку Пашу. – Родничок такой большой ещё, всё не заживает.

Она проронила это, но казалось, что хотела сказать что-то совсем иное, но постеснялась.

Я придвинулась к ней чуть ближе, давая понять, что хочу узнать, что на самом деле вертится у неё на языке, но вслух бормотала:

– Паша всячески подстраивался к родам, помнил про особенности таза мамы, поэтому и родился таким яйцеголовым с большим родничком. Катя, говорит, что дети понимают на уровне интуиции, природы, как должны проходить роды, а врачи нередко зря назначают кесарево.

Повисло молчание, и мы сидели втроём на диване, хотя нет, мы с Натальей сидели и стеснялись, а Паша вертелся в руках, как дождевой червяк на асфальте, и не стеснялся ничего, то смачно пукал, то пускал пузыри изо рта, то рвал журнал, принесённый свекровью, то кричал резко «Ааа» голосом орангутана.

Свекровь поджала под себя ноги и залезла на диван.

Я не могла поверить своим глазам: такая всегда по-королевски манерная она сидела, обняв свои колени руками, и сказала:

– Мне твоя Катя мою тетку Нину напоминает, у неё было восемь классов вечерней школы, поэтому после войны ее назначили руководить колхозом, а она, как мне признавалась, думала сначала, что озимые – это значит надо их прям в зиму, раскапывая сугроб, сеять. Собрала мужиков и говорит им, чего, типа удумали осенью. А они ей в ответ: вот, вроде, Нин, девка ты образованная, но дура.

Я рассмеялась от того, что Наталья Леонидовна голос так

меняла, изображая мужиков и свою тетку, и поняла, что мне, пожалуй, впервые не стало обидно за то, что Катю сравнили с дурой:

– Подруга у меня хорошая, очень, она ребёнка ждёт сейчас.

– Да я знаю, Лен, – иронично произнесла свекровь, – о ней вчера на работе говорили, к тебе пришла, и у меня на языке «крутилось» спросить, как она, она ведь беременная от сына моей коллеги, видишь, как тесен мир, он с женой недавно из-за неё развёлся, вот и говорили о том, как он будет или нет с дочкой общаться, ей пять на днях исполнилось, а он не поздравил.

Я опустила голову, будто мне было стыдно за то, что Катя увела кого-то из семьи.

Свекровь улыбнулась и стала чесать себя за пятку, поймав мой удивленный взгляд, она рассмеялась:

– Ты чего так смотришь? Да, я могу сидеть, задрать ноги выше головы, могу чесаться, а ещё ...

Тут довольный Паша, который всё это время рвал принесённый мне журнал, пукнул, и свекровь такая:

– Да-да, а ещё я пукаю, потому что я человек, а не красивая статуэтка, которой ты меня видишь, да и вообще недавно видела программу, что только ленивцы не пукают, а я не ленивец, не статуэтка, я обычный человек, и твою Катю я не осуждаю, понимаешь?

Я подняла глаза на свекровь и она, пытаюсь разрядить об-

становку, сказала:

– Обещаю тут не пукать, как Паша, но позволь побыть с тобой человеком.

Я кивнула и тоже задрала ноги выше головы.

– Твою Катю, я, возможно, понимаю больше остальных, – голос свекрови изменился, я никогда ни с кем особо не обсуждала свои отношения с папой Димы, но скажу тебе, скажу одно, только одно! Ни о чем не жалею, я была счастлива с ним.

Мне казалось, что на этом признание свекрови закончилось, потому что она заглянула в подгузник внука и встала со словами: «Сиди, я сама сменю подгузник».

Я начала листать погрызенный журнал, думая, что к осени пора покупать себе новые сапоги и уже приводить в форму, посмотрев ещё несколько страниц, я быстро сняла майку и достала из шкафа желтый сарафан на тонких бретельках, красивый, никто ж не мешает мне его дома носить, свекровь с Пашей вернулись, я поймала улыбку, как одобрение тому, что переделалась, ожидая, каких-то советов ну или комплиментов, но услышала:

– А расстались мы, Лен, с Евгением очень плохо: начали ругаться из-за какой-то мелочи, и в порыве гнева я сказала ему: «Да в гробу и видела я тебя белых тапочках», а через несколько дней у него остановилось сердце, врачи сказали, что не смог справиться с напряжением на работе, дома, с переменами в нашей стране после развала Союза. И меня не

было на похоронах, понимаешь, любовниц туда не пускают, поэтому даже в гробу я его не видела, и для меня он навсегда остался моим Женькой, таким светлым, искренним, с конфетами «Птичье молоко» на каждую нашу встречу, с улыбкой на всё лицо и глазами, в которых мне не хотелось тонуть, мне хотелось в них плавать, как в горной реке, которая, с одной стороны, будоражит и охлаждает, а с другой стороны, вселяет в тебя страх, страх того, что ты можешь разбиться о камни.

Наталья спустила с рук Пашу, и он стал переставлять ножками, держась за диван и хватаясь, то за мои колени, то за торчащие из-под штанин комбинезона пальцы бабушки, она гладила его макушку, но смотрела куда-то в стену, и говорила уже будто не мне, а самой себе:

– И несмотря на законную жену, которая была старше его, несмотря на законных детей, которые по возрасту были моими сверстниками, я понимала с самого начала свою вторую роль.

Но лишь после смерти Женьки, когда стояла на линейке в школьном дворе рядом с Димой, держащим букет гладиолусов и конфеты «Птичье молоко», лишь тогда я поняла, что к этим отношениям меня подтолкнула тетка, хотя, вроде, при этом и я была не против.

У меня проскользнула мысль предложить Наталье Леонидовне чая, но я боялась заговорить.

– Лен, думаешь, девчонка в двадцать лет мечтает стать лю-

бовницей взрослого мужика, – свекровь спустилась на пол к Паше. – И мечтает заниматься с ним любовью в машине под гимн СССР, а именно так и было у нас в первый раз.

Тут во мне промелькнули мысль, что уединиться в машине остается моим желанием, но об этом свекрови я точно не скажу.

– Нет, девчонка в двадцать лет мечтает о романтике, – Наталья посадила Пашу на машинку и стала катать по кругу. – И он мне ее тогда дал, мне кажется. Вместе с ним я впервые полетела в Крым, впервые мне купили мою одежду, я выбирала ее сама, и не нужно было перешивать одежду тети или двоюродных сестёр, впервые мы пошли вместе в ресторан, где я попробовала перепёлку. Заказала, помню, блюдо «Сладкая парочка», и переносят две маленьких сморщенные птицы, похожих на дворовых воробьёв, я аж испугалась, боялась есть.

А Женька такой мне: «Натуль, а ну-ка не робей, одну за одну щеку, другую – за другую».

И Наталья Леонидовна начала так мило хихикать, что я невольно тоже заулыбалась. Казалось, что она сейчас не со мной, а там, в Крыму, с Женькой и их любовью.

Затем она взяла активно зевающего за рулём машины Пашу на руки и молча стала ходить по комнате, не рисуя ногами никаких кругов, слов, как делаю обычно я.

Через несколько минут она осторожно положила его уснувшего в кроватку, подошла к окну, вернулась к дивану

и снова, глядя мимо меня продолжила:

– Много было впервые с ним, и все это было не зря. Я ощущала себя рядом с Женей самой любимой женщиной, но при этом была маленькой девочкой, о которой заботятся, как о нежных лепестках лилии.

Однажды, спустя уже лет пять наших отношений, лёжа на его груди, я рассматривала седые волосы, они завивались непонятными кругами, образуя причудливый узор, будто невидимая паутина, в которую я попала на чуть-чуть, а застряла навсегда, и Женя неожиданно сказал: «Все думают, что мужики изменяют жёнам, потому что тупо хотят с кем-то переспать, но это часто не так. Мы тоже хотим быть услышанными, хотим, чтобы нами восхищались, и в нас верили. Вот ты смотришь на меня так, как на Божество. Смотришь и не ноешь про то, что я не отвёз тебя в Болгарию, подарил не ту сумку. Ты принимаешь полностью всё то, что я могу дать и принимаешь всё, что дать не в моих силах. А женщины часто это делать не могут. Не могут принять, что мы, мужчины, не можем дать всё, потому что не Волшебники».

Наталья Леонидовна взяла меня за руку, вернее вложила мою руку в свои:

– Но для меня, Лен, Женя был Волшебником, хотя и не давал всё и вся, именно поэтому, не сомневаясь ни на минуту, я родила от него сына.

Я набралась смелости и спросила:

– Почему вы не вышли замуж после смерти Евгения, вы

ведь всегда были эффективной?!

Свекровь игриво улыбнулась, шепча «о-ля-ля» и закрутила свои длинные русые волосы в импровизированную шишку:

– Потом, а что у нас было потом, – она бормотала, будто не знала ответ, будто отматывала пленку назад, – а потом появился в моей жизни один Витёк, хотя и звали его Никита, и прям пылинки сдувает, хорохорится, все хорошо, но возьми он и скажи, что не может с Димой выстроить отношения, типа давай делай выбор, понимаешь? А так нельзя! И дело не в том, что женщина должна выбрать между ребёнком и мужчиной, ребёнка, а в том, Лен, что когда тебя ставят перед Выбором, то тебя не во что не ставят

Я кивнула, будто понимаю, и уже предполагала услышать рассказ, о том, как Наталья бросила Витька по имени Никита, как она сказала:

– Налей-ка мне воды только не из фильтра, а прям из-под крана, самой вонючей с хлоркой, такую хочу!

Я быстро помчалась на кухню, потому что не могла прийти в себя от услышанного, с одной стороны, а с другой стороны, решила быть, как сын, несколько минут назад непосредственным, мне хотелось спросить, почему Евгений не развёлся с женой, почему видел своего сына лишь набегами.

И вот несу я стакан с водой, капли падают мне на пальцы, поднимаю голову и вижу, как торопливо обувается Наталья Леонидовна.

– Вы уже ходите? – оторопев, спрашиваю я.

Кивнув утвердительно в ответ, она залпом выпивает стакан воды и прям у двери произносит:

– Попроси через Катю Егора позвонить дочке, я ж знаю, она им «верховодит».

Я киваю и не могу прийти в себя, не понимаю, что это было? Такое неожиданное откровение? А потом, испуг? Она испугалась, того, что я не пойму её? Стану задавать лишние вопросы? Начну осуждать? Но это же глупо осуждать человека за то, что он был счастлив. Или она приезжала только, чтоб поговорить о Кате...

Стоя у окна, я смотрю, как она ждёт такси и вижу разводы на стекле. Эх, не досмотрела, когда убиралась. Я пробую вытереть их рукой, не удаётся.

Почувствовав мой взгляд, Наталья поднимает голову и начинает махать рукой, посылая воздушные поцелуи, и я отвечаю тем же, понимая, что ещё никогда не видела отношения между мужчиной и женщиной с другой стороны, как эти самые разводы на стекле, которые я вижу, а ей издали кажется, что стекло – чистое.

18.07. 2014

Паша кричит сквозь сон, судя по свету, пробивающемуся сквозь зашторенные окна, сейчас часа четыре утра, и сын опять просит, чтоб мы к нему подошли, погладили, дали поесть, попить, просто рядом постояли.

Я пытаюсь крепче вдавить уши в подушку, надеясь, что он перестанет кричать и заснёт, но становится лишь громче.

Эх, когда уже начнутся ночи без всех этих вставаний, и мне, вроде, грех жаловаться: встаём часто с Димой по очереди.

Грех жаловаться, но все-таки очень тянет жаловаться и ныть, а ещё – забраться на ручки к мужу и притвориться мааааленькой беззащитной Лисичкой.

Крик Паши становится настойчивее, и я, что есть мочи, крепко закрываю глаза, делая вид, что сплю, крепко сплю и ничего не слышу.

– Давай, дорогой, я в тебя верю! – произношу я про себя, видя, что Дима зашевелился. – Верной дорогой идёшь к сыну!

Слышу, как Дима поплелся на кухню, видимо, пошёл делать смесь, и я, вытягиваясь довольная поперёк кровати, закидываю ногу на одеяло, собрав его горкой. Эх, хоррррошо.

Слышу, как щелкнул выключатель в кухне, так главное сейчас, себя не выдать. Лен, лежи и не двигайся!

Вроде, всё чисто сработано, агент Лена, операция прошла успешно: сын обезврежен, муж вернулся в тыл!

– Коза хитрая, – слышу голос Димы, который за талию притягивает меня к себе. – Я ж знаю, что ты не спишь, хватит театрально сопеть. Это нечестно, сегодня был твой день; я тебе отомщу!

И так улыбательно становится от его «отомщу», так тепло,

можно спать дальше.

24.07.2014

Мне кажется, это смахивает на лёгкое сумасшествие, а, может, вся моя жизнь уже – это какое-то безумие. Я сижу в пижаме на полу, поставив на пол кружку с кефиром, сижу среди остатков еды, старых дырявых синих носков мужа, что выкинула, и не собираю все это обратно, а смотрю, скрестив ноги, как заварка от чая красиво сочетается с цветом пола, алыми остатками арбуза и думаю:

«А вот пили бы чай в пакетах вместо заварного, то такой красоты б в 7 утра не увидела вот».

Смотрю и не тороплюсь убирать, вижу, что Пашуня, держась за стену, заглядывает любопытно из коридора, проверяя, обнаружила ли я уже его «утренний сюрприз», а если да, то почему не зову на разговор:

– Какова твоя цель в жизни, бро? Ковыряться и дальше в гнили?

Я смотрю на сына с улыбкой, как бы приглашая подойти ко мне, он заползает на кухню, садится рядом прижимается ко мне.

Я смотрю в его голубые глаза и понимаю, что не знаю уже, как и объяснять Паше, чтоб он не переворачивал мусорное ведро.

Перевернёт и хихикает, будто играет со мной. И так каждый день.

И хитрый такой, выжидает же время, пробовали несколько дней мусор в пакет класть, и в мойку, но от вонючих подгузников такой запашок: мама, не горюй.

И я реально не понимаю, что делать: скотч на двери – неудобно, эти хваленые детские блокираторы (каких только фирм не пробовали) Паша с корнями вырвал, ходить ещё не умеет, а до них дотягивается уже, и силы хватает.

Вот и приходится глубоко дышать, чтоб успокоиться, хотя кому я вру – глубоко дышать, собирая мусор, это, как минимум, глупо.

Только если глубоко дышать, сильно зажав нос одной рукой, а другой – загребать остатки пригоревшей каши вперемешку с кожурой от моркови.

Недавно при встрече на прогулке Юлька советовала «дай ему по попке хорошенько, он перестанет», но я считаю, что это не метод воспитания, не уверена, что это поможет, да и не для того я хотела ребёнка, вынашивала, рожала, чтоб его бить, на днях посоветовалась ещё с Катюшей, она согласилась со мной: Пашу шлепки не остановят, у него другой нрав.

Поэтому, как там говорится в мультике: «улыбаемся и машем», в моем случае «выдыхаем и мусор сметаем».

– Давай будем убирать твоё творчество, улыбака мой, чего танцуешь? Радуешься? Вот и я радуюсь, что ты у меня есть, – с этими словами я встала, поднимая с пола Пашу и залпом выпила кефир перед наведением порядка на кухне.

27.07.2014

«Только начинает топтать эту грешную землю», – теперь это девиз, точно девиз этого лета 2014 года.

И мне так смешно от этого «топтать эту грешную землю», думаю, это достойно стать названием какого-нибудь комедийного фильма про детство.

Сегодня это обронил седой дедуля в кепке, сидящий на лавке с тремя бабульками. Уже неделю они в сквере наблюдают, как Пашуня, держась обеими руками за нас с Димой, делает свои первые шажочки, как он радуется, когда ему удастся пройти немного, держась только одной рукой за папу...

И я смотрю неделю на эту картину, и мне кажется, что все вокруг смотрят на нас, хотя Почему «мне кажется»?

Я УВЕРЕНА, что все смотрят на нас и точка!

Потому что это такое чудо, человек, маленький, крошка, делает свои первые шаги в этом огромном мире. Он так старается, каждый его Маленький шаг – Большое открытие для него.

И вот в моей голове от чего-то всплывали прежде слова старой – престарой песни: «На бульваре вчерашние дети сами возят в колясках детей», и я будто видела себя со стороны рядом с Пашей, затем видела саму себя в синей коляске с красной полоской, да-да, Лена такая, Лена помнит свою коляску!

Но сегодня я услышала от дедули про грешную землю и «топтать», и весь материнский лиризм ушел... Ушел куда-то

далеко.

И теперь меня разрывает от смеха, так и хочется крикнуть сыну, ковыляющему по тротуару: «Топчи эту грешную землю хорошенько!»

30.07.2014

Прочла сегодня у психолога, что ребенок должен к году хорошо ориентироваться в четырёх цветах, и надо устраивать «цветные» недели, окружая игрушками, предметами и одеждой одного цвета, и обомлела. До этого нигде не встречала эту информацию, а Паше через три недели уже год.

Выходит, он уже не успеет, а это ж отразится на развитии потом в геометрической прогрессии.

Я, зажав нижнюю губу, натягиваю на себя желтый сарафан, понимая, что Это я виновата, клуша. Куда раньше смотрела. Стараясь не разбудить Пашу, лезу достать желтые шары, надуваю их, перебираю в голове, какие игрушки жёлтого цвета у нас есть, надо торопиться, время не ждёт... у нас и так один цвет в итоге окажется неизученным.

Вот тебе и осознанное материнство, а такое важное пропустила.

И неясно ещё, как потом отразится это моё упущение на общем развитии сына, а вдруг вызовет задержку, надо об этом спросить у ...

– Да, Дим, мне некогда, перезвони позже, я ищу срочно всё желтое, кстати, миска на кухне...

– Зачем?

– Устраивать цветные недели для Паши, и так времени «в обрез»!

– Почему?

– Надо успеть до года?

– Почему?

– Почему? Почему? Потому что потом начнётся...

– Что начнётся? Ты в порядке? Лен, алло?

– Дима, не зли меня. Я стою на стуле с миской и...

– Понял тебя, пока. Это посложнее будет, чем твоё «нельзя говорить «нельзя»».

01.08.2014

Мне кажется, моему терпению скоро наступит конец, ей богу, нет ж в мире ничего вечного!

И я начну кричать, кричать на собственного ребёнка, человека, который перевернул мой мир с ног на голову: и в хорошем, и плохом смысле.

В хорошем – это когда он обнимает, и целует без конца, когда залиvisto смеётся над чем-то для взрослого человека обыденным, например, на днях Паша заливался смехом, увидев, как мыльный пузырь лопнул, опустившись на лопух.

А в плохом – это про отсутствие сна, про то, что ем одной рукой, про то, что он до сих пор не теряет интерес к грязной обуви, про то что он, блядь, переворачивает мусорное ведро (что с этим делать?) и время от времени выкидывает все –

все с полок, куда может дотянуться.

И головой я понимаю, что «хорошее» в разы важнее, в разы «перекрывает» плохое, но от этого мне прям и здесь не легче: не легче, когда я собираю осколки разбитых тарелок, которые Паша скинул со стола, поев.

И вот сегодня появилась новая забава – переворачивать ведро с водой. Сначала мне показалось, что мне Показалось, но я продолжила наблюдать... Точно этот Маленький человек, который может ходить, еле-еле держась за стенку, подползал к ведру, когда я мыла полы, подползал, когда я была чуть подальше и со смехом пытался перевернуть; один раз ему удалось, поэтому уборку я продолжила, держа всё время в одной руке ведро.

Кстати, ведро новое желтого цвета, мы ж эту неделю изучаем этот цвет активно.

Я тычу на всё и вся вокруг и утрировано медленно, четко артикулируя произношу: «Желтый», а потом заглядываю в глаза Паше с надеждой понять, усвоил ли он материал или нет, жду, будто он скажет мне:

«Маман, это жёлтый, можно больше мне его не показывать!» – но сын молчит и лишь улыбается в ответ, норовя что-то уронить или скинуть.

02.08.2014

«Мы не летим в сентябре на море», – эти слова мужа стоят эхом в голове, и я реву.

«Нужно купить оборудование, понимаешь, второй кредит не одобрили, Лен, а надо купить оборудование», – я сижу на полу на балконе громко рыдаю и ковыряю пальцем оранжевую краску на стене.

Умом понимаю, что так надо, что так важно для бизнеса, но «внутренняя девочка Лена» плачет и рыдает, потому что так хотела показать сыну море, потому что так хотелось самой нырнуть и ощутить прикосновение солёной воды.

Уму можно объяснить, что надо просто иногда немного потерпеть, чтоб потом получить больше, но сердцу это объяснить сложно.

И вот я ковыряю краску на стене, а слёзы катятся ручьём по щекам, попадая в рот.

Я закрываю глаза, у слез – солёный вкус моря, будто каждый из нас носит в себе целое море, кто-то море обид, кто-то море счастья.

Стук в балконную дверь прерывает мои фантазии, сквозь заляпанное детскими ручонками стекло виднеются две любимые рожицы.

Дима глазами спрашивает, может ли он войти, я отрицательно машу головой, потому что ум мой уже остыл и обнимает мужа, типа: «Э, братан; верно поступил; так и надо было сделать!» – но вот сердце ещё злится, ещё не может смириться, будто отошло в сторонку, повернувшись спиной и так заигрывающе-обиженно бубнит: «я так не играю».

Дима не уходит, несмотря на мое «Нет»! Он знает, что

умеет договариваться не только с моим умом, но и с сердцем, он открывает дверь:

– Лисёнок, повиляй хвостиком; мы с Пашей тебе выжали апельсиновый сок, ещё заварили чай с бергамотом, также можем предложить воду. Пойдём! А если тебе так хочется и дальше ковырять стены, то, так и быть, ковырай обои в кухне!

После этих слов сердце тоже начало улыбаться, потому что внутри меня есть море, и это точно море счастья!

07.08.2014

Я стояла посреди гостиной и грязная вода с остатками бумажек, волос, пыли медленно достигла пальцев ног, мутная жижа покрыла красный педикюр, дальше вода потекла к красиво разложенным на полу игрушкам синего цвета, ведь мы активно пытаемся играть, чтоб сын точно к году знал всё необходимое.

Вот лужа достигла вырезанных из синего картона треугольников, кружочков, квадратов всего – всего, что я накануне так старательно ночью кромсала ножницами для сына.

Я поднимаю взгляд и вижу его, улыбающегося и весёлого, он был как никогда рад тому, что я допустила очередной материнский промах – забыла убрать из коридора ведро после мытья полов.

Мне стало очень обидно, и казалось, что по щекам бегут не слёзы, а мутная жижа из этого самого перевёрнутого вед-

ра.

Я так сильно стараюсь быть хорошей и любящей мамой, а он не ценит, он не слышит меня, он смеётся, издевается надо мной, ведь я уже неделю каждый день говорю ему: «Не трогай грязную воду, стоп. Это плохо», – но Он не слышит, не слышит, НЕ ХОЧЕТ СЛЫШАТЬ!

И вот я стою посреди комнаты в центре этой мерзкой лужи, в которой плавает кубик синего цвета, карандаш, свисток, и мне кажется, будто это не лужа, а олицетворение моего материнства: когда я представляла его морем синим, а оно оказалось хуже, чем вода после мытья полов.

Пашуня идет неуклюже навстречу мне, хлюпая по этой воде, идёт, чуть шатаясь, и смеётся. Ему весело, мое материнство из необъятного синего моря превратилось в грязную лужу, а ему весело.

И всё – терпение лопнуло – я опускаюсь вниз и начинаю кричать на него, прямо глядя в глаза:

– Ты что не понимаешь? Не понимаешь, что так делать не надо? Я тебе говорю об этом много раз... Зачем ты смеешься в ответ? Ты хочешь, чтобы я была жёсткой? Чтобы порола тебя? Ставила в угол? Да?

А сын радостно смеётся в ответ, ему весело, и тогда я хватаю его, опускаю на пол и начинаю вытирать, вытирать, вытирать им эту разлитую из ведра грязную воду.

– Не хочу! Не хочу такой жизни, – ору я, лужа на полу на глазах становится меньше, из глаз моих начинают литься

слёзы, а не мутная жижа, я смотрю, как грязная вода пропитывает бежевую майку и синие шорты сына, как его волосы становятся мокрыми, и мне хорошо, я тру им пол, как половой тряпкой, пытаюсь стереть все обиды, которые он нанёс мне за этот год, я тру, приговаривая:

– Такая!? Такая мать тебе нужна? Нравится? Нравится тебе? – сын начинает плакать, а я не останавливаюсь, теперь моя очередь веселиться, я тру им пол, сын плачет ещё громче, так громко, как никогда, я поднимаю голову и вижу стоящего в коридоре папу, в его руках сети, удочки, банка с червями.

– Дочь, в луже глубоко? Сона смогу поймать на колебалку? – спрашивает он и тычет мне в лицо какой-то металлической хреновиной для рыбалки.

А рядом стоит Катюша, держа руку на животе, и вздыхает поучительно:

– Посмотри, Лен, на цвет ведра, ничего не смущает? – потом она цокает языком и добавляет. – Неделя-то – синяя.

Я начинаю ещё сильнее реветь, я не ждала гостей, не успела прибраться, тут такой беспорядок, опускаю глаза на влажной пол, ревушего в истерике тряпку-сына, вижу, как робко в углу стоит свекровь, и ничего не говоря, снимает с себя синий жакет, встаёт на колени и начинает теперь им пол.

Я открываю глаза, и не могу понять, где я, не могу поверить в происходящее, что это бред или, как гейзер гнева, вырвалась моя усталость, быстро трогаю лицо, слез на нем нет,

сердце бешено колотится, рядом, как в ни в чём не бывало, спит Дима, еще темно, значит, это точно был сон.

Я встаю и робкими шагами, чуть шатаюсь, иду к кровати сына, бормоча: «Прости, прости меня, пожалуйста». Шепчу, будто это было на самом деле.

Паша извивается полусонный в кровати, видимо, хочет пить, я резко бегу на кухню, спотыкаясь об это чертово недавно купленное желтое ведро.

Бегу с чувством огромной вины, ведь меня реально выматывает то, что каждый день сын придумывает себе новые развлечения, что его не интересуют мои карточки и краски, и отчего-то именно грязная вода, которую он разлил вчера, стала «последней каплей», поэтому я полвечера проплакала, сидя на коленях у Димы, говоря, что мои нервы начинают «сдавать», а теперь этот сон, как будто мои тёмные мысли, сколько злости во мне было... Брррр... Сколько ненависти или всё же усталость?

Я добегаю до кухни и оборачиваюсь на пороге, чтоб проверить, что на полу точно нет лужи, что ведро было пустым.

Набираю быстрее воды в поильник и возвращаюсь к сыну, он делает глоток, улыбается мне и закатывает сонно глазки, а я, согнувшись над кроватью, глажу по его волосам, немного влажным от пота, на улице жарыща... убираю мокрую прядку со лба, а перед глазами стоит картина, как во сне я злобно смеялась, вытирая пол этими— волосиками.

Дрожь пробегает по моему телу, меня начинает трясти. Я

убираю руку от Паши, мне хочется прижать его к себе, как можно ближе, но я боюсь разбудить, боюсь потревожить его, я возвращаюсь в свою кровать с чувством облегчения, что это был страшный сон, и такого в нашей жизни никогда не случится, сколько бы половых вёдер он бы не пролил.

16.08.2014

– Мальчик, – затем я услышала тяжелый вздох, – ну тоже неплохо. Не расстраивайся, – я слушала слова знакомой, вернее мамы бизнес-партнера Димы, и не могла справиться с удивлением, скорее шоком.

Только её почтенный возраст удержал меня от грубости в ответ, в голове не укладывалось:

Что значит «мальчик, ну, тоже неплохо». Я смотрела на ярко-красные серьги, переводила взгляд на ее улыбку, морщинки, видневшиеся из-под слоя пудры, а в голове крутилось одно:

– Ты в своем уме? Вернее, Вы в своем уме? – но я даже не знаю, к безумным надо как обращаться, на Вы или на Ты.

Я слушала ее сетования о том, что у меня сын, и не могла сначала собраться с мыслями, что это она всерьёз, потом не обдумывала, почему она жалеет только меня, а не нас с мужем вместе, затем не могла понять, надо ли мне оправдываться, говоря, я не хотела деФченку, или надо было поддакивать, чтоб укрепить деловые отношения супруга.

А она, закидывая за щеки виноград с видом суетливого

хомячка, продолжала:

– ...и вот комнатку мы снимали недалеко от завода, а Степан говорит: «Делай аборт!» – Я и сделала; а там девочка была, мне сказали. Дура такая была.

Тут она всхлипнула, и в ее глазах появились слёзы, как будто до сих пор невыплаканная боль, я села ближе, весь шок и начинающая буря гнева по поводу ее «мальчик —ну неплохо» прошли.

Я поняла, что ее слова мне про ребёнка – это не про моего Пашу.

И если сначала в моей голове крутились мысли:

– Какой бред, вы говорите, мальчик – это супер. Я сразу почувствовала, что жду Сына. Я Рада, что родила Сына. Рада, что его мать уже год. А Вы меня пытаетесь утешать, что, дескать, из двух зол выбирают меньшее, то есть раз уж девочек разобрали, то сына бери, Лен. И я даже не хочу думать, как жилось вашим сыновьям с мамой, для которой «мальчик- ну тоже неплохо», я просто не понимаю, зачем люди свои желания переносят на других... и что-то в таком духе.

Но после ее признания этот мой внутренний монолог рухнул, я предложила налить ей лимонад, она отказалась, я махнула рукой Диме, который носил Пашу по их двору, отпустить его было нельзя, он сразу рвался к ярким цветам на клумбе, налила сама себе из такого старинного графина целый стакан, готовясь уже сказать, что-то поддерживающее в таких случаях, как услышала:

– Потом уже через семь лет пацаны родились один за другим, а дочку Бог уже не дал, сколько мы не старались. Наказал меня за тот грех. Так там сверху решили: «давали ж тебе, Галина Петровна, дочку, не взяла, так живи с этим», – вот я живу; живу и плачу уже больше сорока пяти лет. Плачу, что побоялась рожать, плачу, что уже покойного мужа тогда послушала..

Повисло молчание, я налила все же лимонад и во второй стакан, а секунду после снова услышала:

– Мальчик – ну тоже неплохо!

И я решила не говорить ничего утешительного, я просто обняла ее. Обняла с мыслями, что она не про меня и моего мальчика, а только про себя и свою боль, которую не может отпустить столько лет.

21.08.2014

Не поздравила.

Мама не поздравила вчера своего внука с днём рождения.

Это не укладывается у меня в голове, честно. Я не могу успокоиться, и то и дело на глазах предательски появляются слезинки. Я вытираю их украдкой, но вижу, что Пашенька насторожен, очень насторожен, будто чувствует, что мне плохо. Причём сам он ещё ничего не понимает, ему всего годик, а мне горько и обидно.

Возможно, это мои детские обиды, возможно, непонятное ожидание звонка, возможно, вера в то, что мама превратится

по дуновению волшебного ветра в бабушку из книжек, которая приезжает в гости поиграть и водит внуков по театрам.

Точно не знаю, но мне плохо.

Вчера до последнего я ждала от неё поздравлений, сын уже уснул, а я всё проверяла, вдруг не услышала звонка, вдруг на телефоне беззвучный режим.

В часов одиннадцать вечера я налила розовое вино и через бокал, как больная, устала на духовку, где часы отсчитывали минуты: двадцать три двадцать семь, двадцать три сорок одна, двадцать три пятьдесят восемь.

Я не сводила глаз, смотрела сквозь «розовое вино», смотрела и ждала.

Мне казалось: вот-вот раздастся звонок, и я услышу её слова запыхающимся голосом:

– Ленусик, забегалась сегодня. Поздравляю вас всех. Поздравляю и люблю.

Двадцать три пятьдесят девять. Я залпом выпила больше половины бокала. И ровно в полночь меня «накрыл» град из слёз.

Дима успокаивал меня, а я редела о том, что мамы не было на выписке, что она ни разу не была у нас в гостях за этот первый, самый важный, мне кажется, год жизни в судьбе человека, но я так хотела, мне так верилось, что она поздравит, надежда, она же умирает последней, верно?

И, вроде, наступил следующий день, пора успокоиться. Я пытаюсь сделать нам увиденный где-то в интернете овся-

ноблин, но мне так горько и обидно, и слёзы бегут.

Паша держится за мои ноги и чего-то довольно бормочет, улыбаясь, я смотрю на него сверху вниз, он замечает мой взгляд и начинает заливисто хохотать.

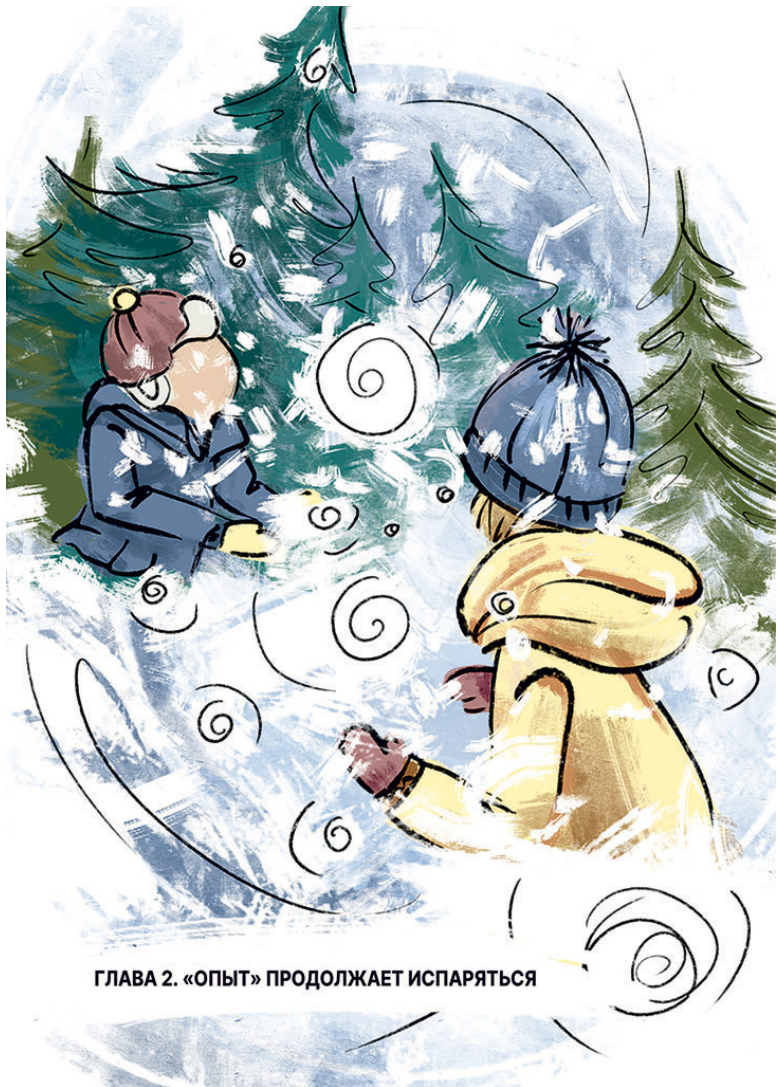
В моей голове начинают крутиться умные фразы психологов о том, что мы должны быть благодарны за что-то там своим родителям.

Я переворачиваю овсяноблин, пытаюсь понять, за что сегодня благодарна маме, вижу, что эта смесь из каши, молока и яиц пригорела, и для меня это проблема, а Паша в это время держится ручонками за колени и радостно чего-то выкрикивает, как абориген.

Я опускаюсь и начинаю обнимать его сильно, вспоминая другой совет психологов: учиться многому у своих детей.

И прям здесь и сейчас я учусь у сына не унывать.

Не поздравила его бабушка, а он счастлив! Может, и не в бабушках счастье, а?

ГЛАВА 2. «ОПЫТ» ПРОДОЛЖАЕТ ИСПАРЯТЬСЯ

ГЛАВА 2. «ОПЫТ»

ПРОДОЛЖАЕТ ИСПАРЯТЬСЯ

04.11.2014

– Почему об этом не пишут в книгах по комфортному материнству, а? Кто ответит? Зачем мне сдались эти мнения про пользу совместного сна? Дайте правду, правду будущим матерям. – Если я стану мамским депутатом, то именно такими будут мои лозунги. – Почему нет параграфов, посвященных тому, как ребёнок, лезет, допустим, к туалетному ёршику, как к самой любимой игрушке? И как успокоить себя, если он вылил весь твой шампунь в ванную.

Но это сейчас я веселю сама себя, придумывая такие лозунги и вспоминая сегодняшнее утро, а вот часов пять назад мне было вообще не до шуток, я будто осознавала, что «всё то, что было за год, – это цветочки, а вот сейчас прям «ягодки», ягодки созрели.

Я спокойно стирала в раковине трусы и носки после рисования, радуясь, что уже успела убрать ватман, краски и потереть пол.

Стирала с мыслью, что вот ещё немного осталось, потом покормлю сына, и можно передохнуть, но тут в ванную зашло нечто.

Я повернула голову и не могла сначала выдавить слова,

просто тяжело сглотнула, пытаюсь, понять, как всё это могло случиться, ведь меня не было на кухне всего минуты три-четыре.

И этого времени хватило Паше, чтоб взять пачку какао, открыть его, измазать этим чертовым какао с ног до головы себя, открыть морозилку и посыпать этим же какао (чего его так много-то) рыбу, печень, рёбрышки свиные, потом, видимо, опять себя для надёжности, пол на кухне, мое новое пальто, что весело в коридоре на вешалке и зайти ко мне в ванную с такой очаровательной улыбкой.

Смотрю на него и реально немею, такое ощущение, что какао была не пачка, а огромный вагон.

Как мантру повторяю себе, так... надо глубоко дышать, сын просто исследует мир, Лен, принимай это как данность, вернее вымой сына, пол, холодильник и уже принимай как данность.

– Паш, ну и зачем ты сыпал это какао? Ответь? – бормочу я ему, снимая футболку и трусы, которые только-только надела после рисования. – Чего улыбаешься мне, любимыш, а? Зато, знай, ты так вкусно сейчас пахнешь, как лучшая в мире конфетка.

Мы вышли из ванной, я на цыпочках несла Пашу в кухню, чтоб самой не измазаться особо в какао и прям голого посадила в детское кресло, чтоб он не совершил новых подвигов.

– На яблочко, хорошо? Сиди и грызи. А я начну отмы-
вать всё. Видишь, все в какао. Стоп! Сыпать какао... – тут я

подвисла, подбирая слова «сыпать какао – опасно», нет, «сыпать какао – вредно», тоже нет, тянуло сказать: «сыпать какао нельзя, но нельзя говорить нельзя, я ж об этом читала», а потом пришло озарение, и я быстро добавила. – Сыпать какао на пол – плохо. Становится грязно. Какао надо есть.

Паша хрумкал яблоко, а я пыталась отмыть куски мяса, но не тут-то было, свинина будто покрывалась корочкой из льда и впечатывала в себя какао.

Мысленно, чего скрывать, я начала думать, что если бы Катя не сказала нам к следующему уроку сделать этого чертова ёжика из теста, то ничего бы не произошло.

Паша радостно хрумкал, а я сметала в совок какао, как вдруг услышала резкий звук, а затем почувствовала характерный запах.

– Блядь, да что происходит? – резко вырвалось у меня, и я испугалась, что сын услышит ругательство, но он был занят, он обмазывал себя снова, и уже не шоколадом. – Фу, Паша, Пашуня, не трогай, это твои какашки. Стоп.

Я думала, что заплачу от всего этого, потому что ещё с какао не разобралась, а тут новое – привалило.

Я несла Пашу снова в ванную, думая, а где в этих хвалёных книгах о материнстве пишут про то, как ты отмоешь ребёнка от какао, посадишь в кресло голым перекусить, думая, что так он точно под присмотром, а он... Он возьмёт и сходит в туалет под себя... Прямо так, будто с рождения терпел, и тут выдал порцию побольше, что аж по ногам вниз потекло,

благо в рот не попало. Почему об этом нет книг, ну? Кто мне ответит? Может, Катюша? Или это уже надо читать в книгах про дискомфортное материнство?

Вопрос остается открытым, я повторно отмывала сына, понимая, что даже не могу особо ничего говорить, а во всей квартире стоял тлетворный запах дерьма и шоколада, который объединялся в особые непередаваемые нотки материнства.

07.11.2014

Готовлю ужин, а пахнет какао или шоколадом, и неважно, что я готовлю все эти дни.

И вот я заново очередной раз нож над луком, как осознаю, что тишина вокруг неспроста.

– Паш, Паша, – кричу я, вытирая руки прям об себя и выходя из кухни, дверь в туалет открыта, ох неспроста это. Заглядываю, а там довольный Паша активно ручками утрамбовывает в унитазе мою белую кофту, достаю ее, а под ней чехол от зонта и глянцевого журнал, который подарила све-кровь ещё летом.

Я сажусь на колени, поворачиваю к себе сына, выдыхаю и медленно произношу:

– Паша, на унитаз надо ходить в туалет, понимаешь? Ни-чего сюда не кидать! Понимаешь?

А он улыбается, будто проверяет все оттенки моего терпения, вывожу его из туалета, несущу в стиральную машинку

белый модный свитшот с одной единственной мыслью:

Не уверена, что привыкну к запаху кофты с мочой, как к тушеной только что на ужин печени, пахнувшей какао!

12.11.2014

– Зачем вы полетели с таким ребёнком отдыхать? – этот вопрос пассажирки из самолёта стоит у меня в ушах, и я пытаюсь понять, как могла корректно ответить на него, пытаюсь понять, не особо вглядываясь в зелень пальм, что так радуют глаз, в солнце, что светит ярче счастья, пылающего изнутри.

Мы на море! Впервые втроём мы на море.

Я так хотела и ждала этой поездки, и мы на море.

Наше решение лететь из -15 в +37 с годовалым ребёнком не поняли мои родители. И это было удивительно даже, они особо не лезут в воспитание внука, мягко говоря, видели его раз шесть, полагая, видимо, что я отлично справляюсь сама, но тем не менее для них было неожиданно наше решение полететь отдыхать и мама стала вздыхать: «не надо лететь, потому что это вредно для здоровья. Он ж всё равно ничего не запомнит, поэтому до 3 лет отдыхайте рядом с домом».

Наталья Леонидовна тоже не особо хотела, чтобы мы летели с Пашей, хотя не говорила это открыто вслух, она просто предлагала нам полететь вдвоём, подкрепляя это словами:

– Лен, устройте себе с Димой романтику, долгие прогулки под тропическим небом, второй, можно сказать, медовый

месяц. Давай я отпуск возьму на работе, заодно буду тренироваться быть «домашней бабушкой», пенсия ведь моя – не за горами.

Но мы полетели втроём, и я не жалею об этом, но пассажиры, думаю, жалеют. Очень.

Девушка-подросток, сидящая недалеко от нас, закрывала демонстративно руками уши.

Пожилая пара шепталась и цокала, каждый раз, когда Паша улыбался им.

А грузный высокий мужчина, которому по стечению обстоятельств досталось место рядом, на моё «ой, извините, сын снова вас случайно ногой задел» проронил:

– Пусть пинает, лишь бы снова громко не пел что-то на своём тарабарском и не скакал по салону как слон.

Когда он сказал это, то вспомнились его оптимистические слова мне в самом начале полёта:

– Я со своим тоже с самого рождения летал. Сейчас наберём высоту, ваш на облака посмотрим и уснёт, а там уже и посадка, поверьте моему опыту.

И его отцовский опыт не имел никакого отношения к опыту нашему: моему и Димкиному.

Сын просто вёл себя при перелёте, при этом ночном перелёте, как дома: любознательно ходил, ходил все восемь часов, спрашивал что-то, пел, радостно кричал, трогал другие кресла, пытался ползать по проходу, между креслами и под ними, и он не кричал, только если мы его брали на руки и

просили посидеть.

В итоге стюарды решили «подыграть» Паше, и он, типа вместе с ними раздавал всем еду, как взрослый.

Я понимала по глазам пассажиров, что жизнь не готовила их к такому перелёту на море.

Что хочется сказать в своё оправдание?

– Жизнь меня тоже не готовила к такому сыну.

Я ожидала, иного расклада, и я до сих пор не могу смириться, что быть мамой – это тебе не «начитаться умных книг и четко по данным там советам воспитывать идеально-го ребёнка».

А ещё можно добавить в своё оправдание, что Паша просто ходил и ползал по салону, не облизывая никому обувь, да он даже ничью кофту в унитазе не замочил, ничего не раскидал. Идеальный ребёнок, ну почти.

Мои мысли прервал поцелуй, Дима губами коснулся моего плеча, я перевела на него взгляд, он улыбался, держа на руках спящего сына.

– Дим, меня на выходе одна женщина спросила, зачем мы полетели с таким ребёнком отдыхать?

– Я слышал, Лен. Не бери в голову. Ты думаешь, нам дома в небольшой квартире отдыхалось бы лучше!? Да, эта женщина уже сейчас о тебе забыла, посмотри лучше вокруг, нас ждёт две недели морского счастья втроём.

– Думаю, Паша ничего не запомнит с этого отдыха.

– Главное, мы это запомним, запомним и потом расска-

жем ему!

Муж прав. Всё хорошо. Мы поступили верно, надо слушать своё сердце, а не советы людей вокруг, да и голос разума вообще часто врет, мне кажется, особенно, если это касается детей:

– Дим, а я где-то читала, что сердце креветок в голове, представь, было б так у людей.

– Лисенок, давай лучше ты представишь хотя бы на эти две недели, что креветка, и будешь меньше думать свои умные мысли.

Я рассмеялась, обещая, пожалуй, невозможное.

14.11.2014

Не помню, кто из великих сказал, что счастье (или что-то там ещё) в глазах смотрящего, но именно эта фраза крутится у меня в голове: столько восторга и радости я вижу в глазах сына, столько эмоций, ради этого стоило лететь восемь часов, и даже больше.

Лучи солнца пробиваются через ветви пальм, падают мне на ноги, я пью коктейль, стоя, и люблюсь своими мужчинами, сын гордо сидит у папы на руках, пока тот кружит его в бассейне.

Всё, абсолютно всё время уходит на игры с Пашей, вдвоём мы не плаваем, тяжело было бы представить сейчас ещё одного ребёнка, ведь за три дня отдыха я ещё ни разу не позагорала, мы копаем песок, дуем на воду, хлопаем в ладоши в

море, строим замки, считаем палочки, что находим на пляже.

И сегодня утром я заметила Нечто: в бунгало неподалёку живет американская семья, кстати, нетипично стройные, и вот у них четыре, целых четыре ребёнка.

Я сначала глазам не поверила, когда мне Дима показал, подумала, подошла и, как дура, спросила, все ли дети их, на что мне мужчина ответил, улыбаясь:

– Обычно мы с женой на море чужих детей возим, собирая по штатам, в следующий раз можем взять вашего, хотя нет... на ближайшие три года уже расписано. Вас записать на ноябрь 2017? А потом как рассмеется.

Оказывается, зовут его Хэсли, и реально у них четыре ребёнка, старшему одиннадцать, младшей – всего три.

А что самое удивительное, Хэсли и его жена выглядят порой расслабленнее, чем мы с Димой, будто они осознали что-то в родительстве, что написано между строк.

Хэсли бегаёт с ними в догонялки, дети дают маме отдохнуть на лежаке, прямо как в фильмах про счастливые семьи; нет, безусловно, у нас тоже крутая семья, но вот пока я разговаривала с Хэсли, а муж пил воду, то наш сынок успел сожрать полтюбика крема для загара... как тут расслабиться?!

16.11.2014

Знание английского мне очень помогает, минут двадцать в игровой болтала с австралийкой, та привела сюда внуч-

ку... Заметила их ещё на завтраке, сидят всей большой семьей, шесть взрослых и девчушка лет двух, едят, о чем-то задорно болтают. А у нас тут так и не получается поесть семьей, едим мы с мужем по очереди: сначала он ест, вернее «на скорость вкидывает в себя еду», а я в это время гуляю с сыном по фойе отеля, затем приходим мы с сыном, кормим сына, отслеживая, чтоб он не скинул на пол тарелки, не тянул скатерти, не разбрасывал на пол специально рис, потом Дима с Пашей уходят, и начинается мое «мамино время»: я иду делать себе кофе, заказываю свежавыжатый сок из мандарина, и кажется, что не будет сегодня снова гонки под палящим солнцем... гонки взрослых за одним маленьким юрким хомячком.

Так вот сидим мы с бабушкой из Австралии, болтаем, она спрашивает такие типичные вещи, что понимаешь: неважно, где родился малыш, а заботы у всех одинаковые – хороший сон, питание, развитие.

И в конце произносит:

– Зачем вы в такую жару ребёнку носки надеваете под сандалии? Нога же потеет, если обувь из натуральной кожи хорошего качества, то мозоли не натрет, а так малышу комфортнее будет

А я реально не знаю, зачем надеваю, все вокруг надевают, ещё, правда, многие и шапки летом детям норовят натянуть, но тут я не настолько «старовер», а вот про носки в обувь летом задумалась.

Не бывает случайных встреч, каждый человек, как песчинка, из которого мы складываем пляж всей жизни.

И вот с сегодняшнего утра Паша гуляет по пляжу, да везде, на босую ногу, и ему хорошо, дельный совет прям, и кто б мог подумать, что даст мне его человек, живущий на другом континенте.

18.11.2014

Это событие я не забуду Никогда! Старая стану, а буду вспоминать, вот те Крест, то есть «вот мне Крест».

Впервые за шестнадцать месяцев после родов я спала, спала всю ночь.

Целиком и всю ночь.

И Дима спал, мы все спали; море так утомило сына, что он вырубился настолько крепко, что его не разбудил ни тропический ливень, ни мой истошный крик, когда я увидела, как по стене на балконе ползет огромная ящерица размером с крысу, ей-богу.

Мы сидели на балконе, а это единственное место, где мы можем уединиться вдвоём вечером, наслаждаясь отдыхом на море и отдыхом от суеты, что создаёт днём сын.

Я пила коктейль цвета лазури, который мы заказали вместе с крабами в номер, вдруг слышу шорох и Димино: не поворачивай голову, сейчас я сфотографирую такую тропическую красотку.

И я, дурында, сижу улыбаюсь в камеру его телефона, ду-

мая, что это он обо мне, поворачиваю голову налево, а на меня косится эта тропическая сучка, нет иного слова этому созданию, и тут я превратилась из Лены в Серену.

Так громко, мне кажется, я никогда прежде не кричала, это был животный вопль от страха и неожиданности, но, как ни странно, он не разбудил сына, поэтому я никогда не забуду эту ночь, ночь, когда я впервые выпалась.

21.11.2014

Возвращаемся с моря без сил (мы с мужем – точно), Паша с кругами бежит, подпрыгивая по коридору, находит дверь в наш номер, сам открывает электронным ключом, а ему чуть больше года, вот они, современные дети, да любые дети, готовые учиться, когда это интересно.

В общем, открываем дверь в номер, я разуваюсь, мечтаю о душе и полежать, сквозь прозрачное стекло ванны смотрю, как мои мальчишки играют подушками, Паша оступается, летит вниз, ударяется головой о прикроватную тумбочку из цельного дерева, и кровь...много крови кругом.

Прям голая я выскакиваю, чтоб спасти сына, поскользываюсь на мокром полу, падаю, выставив руку для смягчения удара...больно локтю, встаю, бегу дальше, кажется прошла вечность, немного темно перед глазами, и только детский плач, поднимаю взгляд, голубая футболка Димы алая от крови сына...

Вот мы уже мчим со страховкой к такси и в госпиталь, Па-

шуня уже почти не плачет, только всхлипывает, кровь капает на плечо мужа, я вытираю всё пелёнкой, испуганный таксист мчит быстрее.

Я от страха или стресса не могу сказать ни слова на английском, а у меня ведь красный диплом, экзамены на «отлично», а все что я выжимаю из себя сквозь слёзы и заикания это – «it's my son. He...he..», но доктор все понимает, вызывает штатного переводчика, тот объясняет, что просто немного разорвано ухо, наложат два шва, сотрясения нет, и предлагают мне успокоительное.

Вот и первая травма у моего боевого сына, прям как боевое крещение.

26.11.2014

– Вы воспитатель из детского сад? – произнесла, улыбаясь высокая симпатичная женщина с длиннющими волосами цвета песка, поглаживая голову своего сына, ребёнка лет трёх.

Я, окружённая кучей детей, подняла на неё взгляд и отрицательно замахала головой.

– Я так подумала, – продолжила она, – потому что смотрю на вас все эти дни, вокруг вас всегда много детей, игры им какие-то организовываете, дурачитесь. Мы с мужем лежим и, честно говоря, удивляемся вашей фантазии. Повезло вашему сыну. А я вот не люблю особо детские игры и песок тоже, а вы молодец, деятельная, всех наших с отеля организо-

вали. Пряма мама – аниматор. Вам точно в воспитатели надо.

Я продолжила строить с детьми из песка разные фигурки, закапывать листочки, рисовать веточками на песке, а в голове бесконечно крутилась мысль:

Да я тоже, я тоже хотела бы лежать сейчас под пальмой вместе с мужем, а не по очереди; в этот отпуск мы ни разу с ним не валялись на пляже вдвоём: занимаемся Пашей, а заодно и вашими детьми, потому что все мамы, увидев меня «деятельную такую» решили, что им можно спокойно лежать или «втыкать» в телефон...и, вроде, я не жалуясь, с желанием играю с Пашей, мы с Димой очень хотели отвезти сына на море, но я не ожидала, что вокруг меня будет столько детей, и прямо «выбила из колеи» эта вот самая женщина, да вчерашняя дама, пробурчавшая недовольно своей дочке:

– Зачем ты мне несёшь листочки? Вы же с той тетей играете; ей носи всё.

01.12.2014

У Паши первая в жизни простуда, почти боевое крещение.

И если, по сути, не считать угрей, колик, кошмарных зубов и беспокойного сна, это его ПЕРВОЕ «Заболел» в 1 год и 4 месяца. Он был здоров все шестнадцать месяцев, и тут внутренняя кобра (уверена в каждой женщине, помимо тараканов, живет Она) ...так вот внутренняя кобра выгнулась и шепчет Язвительно:

ну и где это «плохой иммунитет при искусственном вскармливании?» Где это всё: «смесь портит детей»!

Ни разу не болел почти полтора года, а вокруг при этом хваленном грудном вскармливании у Аленки и Юльки дети все чихали и болели, и сопли «по колено», так может, ты, Лен, и не такая кукуш-ш-ш-ка, раз дала сыну смесь!

Так, может, лучше уж смесь, чем, как Юлька летом в парке, есть бургер с картошкой фри, запивая колой, да и вино себе, знаю, позволяет, а потом эту сиську в рот ребёнку сует, повесив себе орден «я ГэВэшница высш-ш-ш-ей категории»!

Так-так, внутреннюю кобру надо унять, и лечить сына, грустно так, что приболел, лучше б я заболела.

03.12.2014

Шишки, прищепки, перчатки, банки и баночки, вата, крышки, ленты, нитки, замочки, орехи – с этого начинается мое утро ... точно не с кофе.

И меня это отчасти радует, что скрывать.

Паша до сих пор не знаком ни с телевизор, ни с планшетом, он не знает о существовании мультиков и видосиков на телефоне, он растёт, познавая мир вокруг, а не узнаёт о мире через экран гаджетов.

Мне, беременной, мало, кто верил, когда я рассказывала, что не буду включать сыну мультики за едой, а я Смогла!

И сама при нем ничего не смотрю, не хочу. Не хочу травмировать его зрение, его мозг, ведь пишут умные люди, что

самая большая угроза гаджетов для детей именно в том, что детский мозг не может справиться с восприятием часто сменяющихся картинок, вот и «залипают» дети, широко открыв глаза перед экраном.

И даже это «пишут умные люди» – не так важно, мне самой лучше и спокойнее, не... не спокойнее вернее (с сыном не знаю покоя), а мне как-то морально более комфортно, что моё утро начинается не с кофе под мультики ребёнку, а с шишек, которые мы раскладываем по ячейкам, ниток, которыми мы обматываем стулья и салфеток, которые мы рвём на скорость, и, так играя с Пашей, я будто погружаюсь в его мир, погружаюсь, чтобы понять, как это быть годовалым человеком. А ещё такие игры спасают меня от какой-то внутренней скуки, будто помогают не покрыться плесенью декретницы».

06.12.2014

Год назад я была уверена, что пока сын маленький, елки в доме не будет, ведь это Небезопасно, но это было так давно – о, боже, как давно это было... целый год назад, а будто я лет на десять постарела – и вот мы вчера купили специально невысокую ёлку, чтоб если сын нечаянно ее и заденет, то она ему не навредила, он ведь ещё такой малыш.

А сейчас распаковали коробку, и наш хомячок пытался прыгать, кувыркаться, эмоции прям были выше Эвереста.

Паша брал в руки ёлочные игрушки, с удивлением откры-

вал рот, произнося «oooo», «aaaaa», потом резко бежал ко мне обниматься, обратно возвращался к игрушкам, а потом и вовсе начал целовать ёлку. И это ли не новогоднее чудо!?

13.12.2014

Это просто нечто невообразимое, точно! Даже предположить не могла, что такое возможно, и как тут не вспомнить пословицу «Век живи – век учись», но учись по книге под названием «Жизнь».

В общем, Паша роняет ёлку! Специально. По несколько раз в день!

Роняет и смеётся, как хитрый хомяк, надув щёчки, и никакие мои объяснения, показ картинок, что елка должна стоять, а не лежать, НЕ действуют.

И это продолжается уже третий день: сначала он, конечно, случайно, ее уронил, испугался даже.

Помню, сняла с него подгузник, побежала на кухню, начала отклеивать скотч, который держит дверку, где мусорное ведро, стою, ковыряю, вдруг грохот сильный, я сразу поняла – елка рухнула, бегу обратно, боюсь, что Пашу придавило, а он, испуганный, рядом стоит, успокоила, объяснила, что это опасно, ёлку подняла, на ней банты и ленты поправила, думала, на этом история закончилась, но громкое «Ха-Ха» в лицо моей интуиции – и Паша вошёл во вкус.

Он роняет ее ради развлечения, сначала толкал и отбегал, проверяя, куда падает, а с сегодняшнего дня с разгона бежит

в неё, выставив руки вперёд, чтоб упала. Вот такой весёлый декабрь нас ожидает.

Подбираю очередной раз с пола шары и думаю, как наивны, черт побери, люди, когда говорят о войнах котов и ёлок.

Так и хочется сказать:

«Да, вы просто Пашу не видели, который, уронив «зелёное новогоднее чудо» лезет на нее сверху, встаёт, как победитель и пытается изображать какой-то танец, а я боялась, что елка для малыша, которому ещё и нет полутора будет Небезопасной, а тут вышло вообще наоборот».

А если перефразировать поговорку «назвался груздем полезай в кузов» так «назвался мамкой, жди от дитины конфузоз!»

– Паша, стоп! Остановить! Не роняй! Пааааш!

15.12.2014

Попила, блядь, водички!

Вот точно, чему меня научило материнство – материться чаще, благо удаётся вслух порой не закричать это.

Захожу прямо сейчас в комнату и вижу: все, абсолютно все вещи из шкафа валяются на полу, а сверху, как царь горы сидит Он, Довольный Паша!

И в такие моменты я ж должна злиться, типа, снова все убирать надо, беспорядок развёл, а мне смешно, ей-богу смешно от этого.

Вспоминается, как мама запрещала нам с сёстрами доста-

вать плоды и покрывала из шкафа, а мы так-то хотели крепость построить.

Но мама была непреклонна:

– А вдруг они пригодятся? Они ещё и чистые!

А я не помню, чтоб какие-то из этих покрывал вообще когда-то кто-то использовал. Не удивлюсь, если они до сих пор лежат на той же самой полке в шкафу ровной стопочкой, тщательно отутюженные.

Возможно, поэтому меня не злит особо, что Пашуня снова выбросил все вещи из шкафа, будем собирать вместе, заодно и слова повторим: футболка, штаны...

Точно, вот прям сейчас я до конца осознала, что меня не раздражает, что сын выбрасывает вещи, потому что мне это запрещали в детстве, и он сейчас как бы осуществляет ту мою мечту, но меня напрягает то, что он снова утром уронил елку и продолжает переворачивать день ото дня мусорное ведро. Напрягает, это меня очень напрягает, видимо, потому что такой мечты у меня в далёком моем детстве не было. Хе-хе!

20.12.2014

Сын остается верным самому себе, несмотря на выходной встал в шесть утра.

Дима поднял его на руки и унёс в кухню, покормил, и вот уже час тихонько играют в паззлы да конструктор.

Всё, чтобы я могла выспаться.

Просто «выспаться» ... как это часто не хватает мамам, забота складывается всегда из мелочей.

Вообще порой мне кажется, что мелочей вообще не бывает. И важно в этом мире всё: и кофе, который ты выпил утром, и улыбка случайного прохожего... Вся наша жизнь, будто эта самая череда таких Важно-неважных мелочей.

И в браке забота – это обратная часть любви, нельзя кричать «люблю», но при этом ничего не делать, думая, что заниматься маленьким ребёнком – это бабское дело, что готовить – это тоже бабский труд, если ты работаешь... да-да, так и есть, а пока я посплю, тихонько посплю, пока мои мужики играют на кухне.

29.12.2014

Дима зашёл, вернее забежал взъерошенный домой со словами:

– Лен, что случилось? Во дворе скорая, спасатели, полиция, меня не пускали в подъезд, пока я не сказал, что здесь живу.

А я не знаю, я ничего не знаю, мне очень плохо, я ничего не слышала. Совершенно ничего, поэтому я машу отрицательно головою, лишь бы он отстал, но Димка разувался и говорил:

– Там стены в подъезде в крови, понимаешь? На нашем этаже. Везде следы крови, оставленные руками.

А я не знаю ничего про кровь, совершенно ничего, мне и

без этого плохо.

Два часа назад мы играли с сыном в кубики, и один из них закатился под диван, я нагнулась чтобы достать, а Паша в это время прыгнул ногами мне на голову, и я ударилась головой о пол.

– Голова болит безумно, настолько сильно, что мне все равно на скорую, спасателей и кровь на стенах в подъезде, – заканчиваю я свой рассказ и откидываюсь на спинку дивана. Внутри всё гудит, как будто дрель, Дим, включили.

Я сижу, смотрю, как Дима переодевается и понимаю, что несмотря на боль все же я собралась с силами, читала с Пашей, продолжала играть, потому что он не виноват, что прыгнул, потому что ему хочется играть.

А ещё я сварила на ужин лапшу и пожарила котлеты, потому что Дима тоже не виноват, что сын прыгнул, но муж на это сказал мне:

– Ты что с ума сошла? Думаешь, я б с голода умер? Зачем ты в таком состоянии готовила? Лисенок, зачем?!

30.12.2014

Всю ночь кружилась голова, меня подташнивает, приняли решение ехать в больницу, а потом сообразили, что завтра новый год, у докторов ведь тоже праздник, приема почти нет нигде.

Дима через знакомых нашел доктора, который меня может осмотреть.

Я, еле дыша, натягиваю пуховик, муж одевается быстро сам, одевает сына, и тут звонок в дверь, на пороге стоит следователь.

Потом куча вопросов к нам, о нас и не о нас, подписание документов, прям как в каком-то фильме про полицию и преступников, но выходит так, что жизнь-то будет покруче кино.

И вот мы оделись наконец-то вновь, чтоб ехать к врачу, выходим в подъезд, ожидая лифт, взгляд невольно падает на стены, где кровавые следы рук, я отвожу глаза, вспоминается отчего-то сначала фильм «Титаник», и сцена, где на запотевшем стекле машины появляются отпечатки двух рук, как символ любви или страсти, а если эти кровавые руки – то символ страсти, большой страсти, ревности.

Мы спускаемся в лифте, мне не хочется говорить, тошно во всех смыслах этого слова, лишь сын по-доброму что-то лопочет.

Я вспоминаю, как в этом лифте не раз спускалась или поднималась с соседом, как он ехал со мной однажды был в женских розовых тапках и рассказал, как это важно – расслабляться, показывая на купленную бутылку портвейна, а, может, это была и какая-то другая выпивка.

– Мам, люль, – доносятся до меня слова сына, я делаю усилие, чтоб улыбнуться и произношу в ответ, что тоже его люблю, а сама вспоминаю, как пьяный сосед однажды принял Пашу за мальчика, назвав девочкой, хотя я много раз

говорила ему, что у нас сын.

Мы идём к машине, а я пытаюсь понять, как не услышала вчера шума, ведь к нему всегда приходили шумные гости, один из них как-то даже уснул в подъезде.

И вчера они должны были сильно шуметь ещё до того, как Паша прыгнул мне на голову.

Я пристёгиваю сына в автокресле и пытаюсь вспомнить лицо женщины, которая с соседом, но не могу. Пожалуй, я не могу даже сказать, сколько ей лет, потому что она любила выпить с ним, и была какой-то опухшей, да и, мне кажется, вообще не привлекательной, как же он мог приревновать свою сожительницу к одному из гостей.

Мои мысли заглушает радио и доносится нежное:

«...Что вот-вот настанет,

Исполнит вмиг мечту твою...»

– Лисенок, ты чего молчишь? – спрашивает Дима, чувствуется, он волнуется.

– Я не могу понять, почему он приревновал ее так сильно, что схватился за нож, – честно отвечаю я, глядя в окно на ёлочный базар и продавца, который приплясывает в красном новогоднем колпаке, видимо, замёрз, бедолага.

– Леночка, давай не будем об этом думать, – муж громче включает музыку.

А я не могу не думать, следовательно сказал, что он изрезал ей руки, а когда она стала убегать от него в подъезд, следом за ней выскочили гости, но выскочили не спасти, а сбежать,

взрослые мужики убежали, оставив, эту женщину там одну. И я была за стенкой, но не слышала ничего, я не помогла.

– Дим, я обещаю не думать, скажу только, что рада, что мужики те всё-таки вызвали полицию, – я тяжело вздохнула, представляя, как сосед волоком тащил соседку обратно, как она цеплялась руками за стены, как за спасательные буйки хватаются те, кто заплыл сильно далеко, не рассчитав своих сил.

Я ехала в больницу с головной болью и состоянием полного ужаса, от того что насилие живёт настолько рядом, просто в соседней двери. И тут я даже не про соседа, а про жизнь. Как часто жертвами домашнего террора становится женщины, а иногда и дети.

Я молчу, смотрю в окно, но в глазах стоят слёзы, от того, что женщины терпят такое обращение, терпят, потому что думают «а куда я уйду», «да все мужики такие». Кто-то терпит по мелочи: толкнул, подопнул, дал оплеуху, кто-то – уже по-серьёзному...

– Зачем терпим, девчонки?! Зачем так себя не любим?! – хочется спросить, а спросить Некого.

– Дим, можно скажу ещё, – я смотрю на мужа, ожидая от него ответа, он кивает, и я начинаю быстро шептать. – Да будь у меня такая возможность, я показывала бы каждый девушке, женщине, которая хоть раз получила удар своего молодого человека, мужа, показывала бы им памятник, вернее инсталляцию, читала о ней, это инсталляция жертвам, уби-

тым дома мужьям. Понимаешь, 440 пар туфель, прибитых к стене как символ незащитности женщин перед агрессией их спутников.

– Лисенок, я тебя люблю и не хочу обидеть, я знаю, что ты готова спасти весь мир, но пойми, есть люди, женщины, которым не нужно спасение, она пила с ним, пьёт с ним, она сейчас выйдет из больницы и продолжил пить с ним.

Я еду и молчу, меня тошнит, тошнит от того, что это правда, словно фон, слышится голос Димы и чувствую, как он гладит меня по коленке.

Я пытаюсь улыбаться ему в ответ несмотря на свою головную боль и не радужные мысли, смотрю на пушистый снег на ветках мощных кедров у здания больницы, а в голове пульсирует одно: как защитить себя от насилия, которое может жить за стенкой? Как защитить от этого сына? Как тошно от всего вокруг.

01.01.2015

Я лежала на бежевом линолеуме в кухне с приспущенными трусами и смотрела на экран телевизора, на котором, как обычно, одни и те же актёры с фальшивыми натянутыми улыбками пели песни, чокаясь фужерами с фальшивым шампанским. Потом я посмотрела на новогодний стол с иного ракурса, снизу, сквозь дымчатое стекло – столешницу, салатники и тарелки, казались темными пятнами, да и всё вокруг казалось иным

– Дим, ты скоро? – протяжно начала я, потому что мне уже надоело его ждать.

– Уже иду, я и так стараюсь торопиться, скоро уже будут бить куранты, – ответил муж, и я почувствовала, как он прикоснулся ко мне.

Президент начинает говорить с экрана, как прошёл этот год.

– Мне больно, давай осторожнее, – а в это время глазами ищу, на чем бы сконцентрировать внимание: точно буду считать тарелки, бокалы, стоящие на столе

– Я очень стараюсь, Лен, – доносится со спины. – Быстро не хочу, то так тебе ещё больнее, потерпи, моя хорошая!

«...и каждое, даже на первый взгляд неважное, событие станет вехой в истории», – доносится из телевизора, и я вспоминаю, как передавала в туалете банка Димке штаны, забирая порванные, как без тени грусти ответила по телефону «спасибо, я больше не работаю, пока хочу побыть мамой», как бесстрашно сынок прыгал в море, не боясь волн, затем я снова услышала обрывок слов президента – «...воспринимались как мечта. А она не просто сбылась, мы...»

– Счастливы, Дим, скажи, мы определённо счастливы... сука, – меня словно дернуло током.

– Я заканчиваю, всё, – прошептал муж, и начали бить куранты, он быстро побежал выбрасывать ампулы и шприц, а я начала натягивать трусы и опускать платье, мысленно считая, что осталось ещё шесть таких уколов.

Часы били, я стояла, держа руку на ягодице, понимая, что ватка, смоченная спиртом, пропитала насквозь одежду, Дима быстро протянул мне фужер, подмигивая:

– Два года назад на новый год тоже был сок, и тоже из-за Паши.

Я улыбнулась, вспоминая ошарашенного доктора, не верящего сначала, что «такая миздеклявка маме голову стрясла», а потом обнявшего меня по-отцовски со словами: «хорошие у вас мужики, понимаю, почему отказываетесь от госпитализации, дома и стены лечат».

– Урра! С Новым годом! Люблю, – Дима полез целоваться, неожиданно шепча. – Глядишь, следующий уже вчетвером встретим.

– Ты что с дуба рухнул? – чуть не подавилась я соком.

03.01.2015

Четыре, ой, нет, пять дней чувствую себя, как на курорте: валяюсь, ем, сплю, стыдно признаться, но я так Рада, что болею. Во-первых, из плюсов, как я сказала Диме ещё в больнице, научно доказано, что женщина в декрете не теряет мозги, а, во-вторых, я так за полтора года, вру, за лет восемь не отдыхала.

Вечно же брала работу даже на Новый год, вроде, года три назад, так-так, нет, четыре. Точно четыре ехали с Димой домой в четыре утра, он мне о впечатлениях шоу рассказывает, о том, что ему жульен понравился, а я еду с мыслью, что на-

до подправить последнее предложение в переводе, но сама молчу об этом

Только разделись, я побежала открывать ноутбука, то «горит» же всё, текст загрузился, смотрю, а Дима стоит с вином и такой:

– Что? Праздник закончился?

А сейчас так круто!

Дима и готовит, и играет, и читает, и гуляет, а самое интересное, что Паша, Пашуня так чутко понимает всё, вот, вроде, человеку всего год и пять, а сколько в нем эмпатии, сколько нежности несмотря на «ежей в попе», потому что одним шилом там и не пахнет, там стая ежей, и у каждого куча иголок, которые не дают сидеть на месте.

Надо тихонько встать и заварить себе чаёк, пока мои ушли кататься на горку.

Ароматный чай в тишине, да ещё с конфеткой – я точно в раю.

Как, выходит, здорово, что Паша на меня прыгнул, только об этом не надо никому говорить, то подумают, что все-таки у меня с головой проблемы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.